

№ 21115

I

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

2-218641

АНТОНЪ ЧЕХОВЪ.

ТРИ СЕСТРЫ.

ДРАМА

ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

С.-Петербургъ.

Издаше А. Ф. Маркса.

Дозволено цензурою, 5 апрѣля 1901 г. СПБ.

Тип. А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ТРИ СЕСТРЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Прозоровъ Андрей Сергѣевичъ.

Наталья Ивановна, его невѣста, потомъ жена.

Ольга
Маша } его сестры.
Ирина }

Кулыгинъ Ѳедоръ Ильичъ, учитель гимназіи, мужъ Маши.

Вершининъ Александръ Игнатьевичъ, подполковникъ, батарейный командиръ.

Тузенбахъ Николай Львовичъ, баронъ, поручикъ.

Соленый Василій Васильевичъ, штабсъ-капитанъ.

Чебутыкинъ Иванъ Романовичъ, военный докторъ.

Федотикъ Алексѣй Петровичъ, подпоручикъ.

Родэ Владиміръ Карловичъ, подпоручикъ.

Ферапонтъ, сторожъ изъ земской управы, старикъ.

Аноиса, нянька, старуха 80 лѣтъ.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Въ домъ Прозоровыхъ. Гостиная съ колоннами, за которыми виденъ большой залъ. Полдень; на дворъ солнечно, весело. Въ залъ накрываютъ столъ для завтрака.

Ольга въ синемъ форменномъ платьѣ учительницы женской гимназіи, стоя и на ходу все время поправляетъ ученическія тетрадки; Маша въ черномъ платьѣ, со шляпкой на колыняхъ сидитъ и читаетъ книжку, Ирина въ бѣломъ платьѣ стоитъ задумавшись.

Ольга. — Отецъ умеръ ровно годъ назадъ, какъ разъ въ этотъ день, пятого мая, въ твои именины, Ирина. Было очень холодно, тогда шелъ снѣгъ. Мнѣ казалось, я не переживу, ты лежала въ обморокѣ, какъ мертвая. Но вотъ прошелъ годъ и мы вспоминаемъ объ этомъ легко, ты уже въ бѣломъ платьѣ, лицо твое сіяетъ. (часы бьютъ двѣнадцать) И тогда также били часы. (пауза) Помню, когда отца несли, то играла музыка, на кладбищѣ стрѣляли. Онъ былъ генералъ, командовалъ бригадой, между тѣмъ народу шло мало. Впрочемъ,

былъ дождь тогда. Сильный дождь и снѣгъ.

Ирина.—Зачѣмъ вспоминать!

За колоннами, въ залѣ около стола показываются баронъ Тузенбахъ, Чебутыкинъ и Соленый.

Ольга.—Сегодня тепло, можно окна держать настежь, а березы еще не распускались. Отецъ получилъ бригаду и выѣхалъ съ нами изъ Москвы одиннадцать лѣтъ назадъ и, я отлично помню, въ началѣ мая, вотъ въ эту пору въ Москвѣ уже все въ цвѣту, тепло, все залито солнцемъ. Одиннадцать лѣтъ прошло, а я помню тамъ все, какъ будто выѣхали вчера. Боже мой! Сегодня утромъ проснулась, увидѣла массу свѣта, увидѣла весну, и радость заволновалась въ моей душѣ, захотѣлось на родину страстно.

Чебутыкинъ.—Чорта съ два!

Тузенбахъ.—Конечно, вздоръ.

Маша (*задумавшись надъ книжкой, тихо на- свистываетъ пѣсню*).

Ольга.—Не свисти, Маша. Какъ это ты можешь! (*пауза*) Оттого, что я каждый день въ гимназiи и потомъ даю уроки до вечера, у меня постоянно болитъ голова и такія мысли, точно я уже состарилась. И въ самомъ дѣлѣ, за эти четыре года, пока служу въ гимназiи, я чувствую, какъ изъ меня выходятъ каждый день по каплямъ и силы, и молодость. И только растеть и крѣпнеть одна мечта...

Ирина.—Уѣхать въ Москву. Продать домъ, покончить все здѣсь и въ Москву...

Ольга.—Да! Скорѣе въ Москву.

Чебутыкинъ и Тузенбахъ смѣются.

Ирина.—Братъ, вѣроятно, будетъ профессоромъ, онъ все равно не станетъ жить здѣсь. Только вотъ остановка за бѣдной Машей.

Ольга.—Маша будетъ приѣзжать въ Москву на все лѣто, каждый годъ.

Маша *(тихо насвистываетъ пѣсню).*

Ирина.—Богъ дастъ, все устроится. *(глядя въ окно)* Хорошая погода сегодня. Я не знаю, отчего у меня на душѣ такъ свѣтло! Сегодня утромъ вспомнила, что я именинница, и вдругъ почувствовала радость, и вспомнила дѣтство, когда еще была жива мама. И какія чудныя мысли волновали меня, какія мысли!

Ольга.—Сегодня ты вся сіяешь, кажешься необыкновенно красивой. И Маша тоже красива. Андрей былъ бы хорошъ, только онъ располнѣлъ очень, это къ нему не идетъ. А я постарѣла, похудѣла сильно, оттого, должно быть, что сержусь въ гимназіи на дѣвочекъ. Вотъ сегодня я свободна, я дома, и у меня не болитъ голова, я чувствую себя моложе, чѣмъ вчера. Мнѣ двадцать восемь лѣтъ, только... Все хорошо, все отъ Бога, но мнѣ кажется, если бы я вышла замужъ и цѣлый день сидѣла дома, то это было бы лучше. *(пауза)* Я бы любила мужа.

Тузенбахъ (*Соленому*).—Такой вы вздоръ говорите, надоѣло васъ слушать. (*входя въ истинную*) Забылъ сказать. Сегодня у васъ съ визитомъ будетъ нашъ новый батареинный командиръ Вершининъ. (*садится у панино.*)

Ольга.—Ну, что-жъ! Очень рада.

Ирина.—Онъ старый?

Тузенбахъ.—Нѣтъ, ничего. Самое большее, лѣтъ сорокъ, сорокъ пять. (*тихо наирываешь*) Повидимому, славный малый. Не глупъ, это—несомнѣнно. Только говорить много.

Ирина.—Интересный человекъ?

Тузенбахъ.—Да, ничего себѣ, только жена, теща и двѣ дѣвочки. Притомъ женатъ во второй разъ. Онъ дѣлаетъ визиты и вездѣ говорить, что у него жена и двѣ дѣвочки. И здѣсь скажетъ. Жена какая-то полоумная, съ длинной дѣвической косой, говоритъ однѣ высокопарныя вещи, философствуетъ и часто покушается на самоубійство, очевидно, чтобы насолить мужу. Я бы давно ушелъ отъ такой, но онъ терпитъ и только жалуется.

Соленый (*входя изъ залы въ истинную съ Чебутыкинымъ*).—Одной рукой я поднимаю только полтора пуда, а двумя пять, даже шесть пудовъ. Изъ этого я заключаю, что два человекъ сильнѣе одного не вдвое, а втрое, даже больше...

Чебутыкинъ (*читаетъ находу газету*).— При выпаденіи волосъ... два золотника нафталина

на полбутылки спирта... растворить и употреблять ежедневно... (*записываетъ въ книжку*)
Запишемъ-съ! Впрочемъ, не нужно... (*зачеркиваетъ*). Все равно!

Ирина.—Иванъ Романычъ, милый Иванъ Романычъ!

Чебутыкинъ.—Что, дѣвочка моя, радость моя?

Ирина.—Скажите мнѣ, отчего я сегодня такъ счастлива? Точно я на парусахъ, надо мной широкое голубое небо и носятся большія бѣлыя птицы. Отчего это? Отчего?

Чебутыкинъ (*цѣлуя ей обѣ руки, нѣжно*).—Птица моя бѣлая...

Ирина.—Когда я сегодня проснулась, встала и умылась, то мнѣ вдругъ стало казаться, что для меня все ясно на этомъ свѣтѣ, и я знаю, какъ надо жить. Милый Иванъ Романычъ, я знаю все. Человѣкъ долженъ трудиться, работать въ потѣ лица, кто бы онъ ни былъ, и въ этомъ одномъ заключаются смыслъ и цѣль его жизни, его счастье, его восторги. Какъ хорошо быть рабочимъ, который встаетъ чуть свѣтъ и бьетъ на улицѣ камни, или пастухомъ, или учителемъ, который учитъ дѣтей, или машинистомъ на желѣзной дорогѣ... Боже мой, не то что человѣкомъ, лучше быть воломъ, лучше быть простою лошадью, только бы работать, чѣмъ молодой женщиной, которая встаетъ въ двѣнадцать часовъ дня, потомъ пьетъ въ

постели кофе, потомъ два часа одѣвается... о, какъ это ужасно! Въ жаркую погоду такъ иногда хочется пить, какъ мнѣ захотѣлось работать. И если я не буду рано вставать и трудиться, то откажите мнѣ въ вашей дружбѣ, Иванъ Романычъ.

Чебутыкинъ (*нѣжно*).—Откажу, откажу...

Ольга.— Отецъ приучилъ насъ вставать въ семь часовъ. Теперь Ирина просыпается въ семь и по крайней мѣрѣ до девяти лежитъ и о чемъ-то думаетъ. А лицо серьезное! (*смѣется*).

Ирина.—Ты привыкла видѣть меня дѣвочкой и тебѣ странно, когда у меня серьезное лицо. Мнѣ двадцать лѣтъ!

Тузенбахъ.—Тоска по трудѣ, о Боже мой, какъ она мнѣ понятна! Я не работалъ ни разу въ жизни. Родился я въ Петербургѣ, холодномъ и праздномъ, въ семьѣ, которая никогда не знала труда и никакихъ заботъ. Помню, когда я приѣзжалъ домой изъ корпуса, то лакей стаскивалъ съ меня сапоги, я капризничалъ въ это время, а моя мать смотрѣла на меня съ благоговѣніемъ и удивлялась, когда другіе на меня смотрѣли иначе. Меня оберегали отъ труда. Только едва ли удалось обещать, едва ли! Пришло время, надвигается на всѣхъ насъ громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идетъ, уже близка и скоро сдуетъ съ нашего общества лѣнь, равнодушіе,

предубѣжденіе къ труду, гнилую скуку. Я буду работать, а черезъ какіе-нибудь 25—30 лѣтъ работать будетъ уже каждый человѣкъ. Каждый!

Чебутыкинъ.—Я не буду работать.

Тузенбахъ.—Вы не въ счетъ.

Соленый.—Черезъ двадцать пять лѣтъ васъ уже не будетъ на свѣтѣ, слава Богу. Года черезъ два-три вы умрете отъ кондрашки, или я вспылю и всажу вамъ пулю въ лобъ, ангель мой. *(вынимаетъ изъ кармана флаконъ съ духами и опрыскиваетъ себя фудъ, руки.)*

Чебутыкинъ *(смѣется)*.—А я въ самомъ дѣлѣ никогда ничего не дѣлалъ. Какъ вышелъ изъ университета, такъ не ударилъ пальцемъ о палецъ, даже ни одной книжки не прочелъ, а читалъ однѣ только газеты... *(вынимаетъ изъ кармана дружую газету)* Вотъ... Знаю по газетамъ, что былъ, положимъ, Добролюбовъ, а что онъ тамъ писалъ не—знаю... Богъ его знаетъ... *(слышно, какъ стучатъ въ полъ изъ нижняго этажа)*. Вотъ... Зовутъ меня внизъ, кто-то ко мнѣ пришелъ. Сейчасъ приду... погодите... *(торопливо уходитъ, расчесывая бороду)*.

Ирина.—Это онъ что-то выдумалъ.

Тузенбахъ.—Да. Ушелъ съ торжественной фізіономіей, очевидно, принесетъ вамъ сейчасъ подарокъ.

Ирина.—Какъ это неприятно!

Ольга.—Да, это ужасно. Онъ всегда дѣлаетъ глупости.

Маша.—У лукоморья дубъ зеленый, золотая цѣпь на дубѣ томъ... Золотая цѣпь на дубѣ томъ... (*встаетъ и напѣваетъ тихо*).

Ольга.—Ты сегодня не веселая, Маша.

Маша (*напѣвая, надѣваетъ шляпу*).

Ольга.—Куда ты?

Маша.—Домой.

Ирина.—Странно...

Тузенбахъ.—Уходить съ именинъ!

Маша.—Все равно... Приду вечеромъ. Прощай, моя хорошая... (*цѣлуетъ Ирину*) Желаю тебѣ еще разъ, будь здорова, будь счастлива. Въ прежнее время, когда былъ живъ отецъ, къ намъ на именины приходило всякій разъ по тридцать-сорокъ офицеровъ, было шумно, а сегодня только полтора человѣка и тихо, какъ въ пустынь... Я уйду... Сегодня я въ мерлехлюндии, не весело мнѣ, и ты не слушай меня. (*смѣясь сквозь слезы*) Послѣ поговоримъ, а пока прощай, моя милая, пойду куда-нибудь.

Ирина (*недовольная*).—Ну, какая ты...

Ольга (*со слезами*).—Я понимаю тебя, Маша.

Соленый.—Если философствуетъ мужчина, то это будетъ философистика, или тамъ софистика; если же философствуетъ женщина, или двѣ женщины, то ужъ это будетъ — потяни меня за палецъ.

Маша.—Что вы хотите этимъ сказать, ужасно страшный человекъ?

Соленый.—Ничего. Онъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь насѣлъ. *(пауза)*

Маша *(Ольга, сердито)*.—Не реви!

Входятъ Анеѣса и Ферাপонтъ съ тортомъ.

Анеѣса.—Сюда, батюшка мой. Входи, ноги у тебя чистыя. *(Ирина)* Изъ земской управы, отъ Протопопова, Михаила Иваныча... Пирогъ.

Ирина.—Спасибо. Поблагодари. *(принимаетъ тортъ).*

Ферапонтъ.—Чего?

Ирина *(громче)*.—Поблагодари!

Ольга.—Нянечка, дай ему пирога. Ферাপонтъ, иди, тамъ тебѣ пирога дадутъ.

Ферапонтъ.—Чего?

Анеѣса.—Пойдемъ, батюшка Ферাপонтъ Спиридонычъ. Пойдемъ... *(уходитъ съ Ферапонтъ).*

Маша.—Не люблю я Протопопова, этого Михаила Потапыча, или Иваныча. Его не слѣдуетъ приглашать.

Ирина.—Я не приглашала.

Маша.—И прекрасно.

Входитъ Чебутыкинъ, за нимъ солдатъ съ серебрянымъ самоваромъ; уль изумленія и недовольства.

Ольга *(закрываетъ лицо руками)*.—Самоваръ! Это ужасно! *(уходитъ въ залу къ столу).*

Ирина.—Голубчикъ Иванъ Романычъ, что вы дѣлаете!

Тузенбахъ (*смѣется*).—Я говорилъ вамъ.

Маша.—Иванъ Романычъ, у васъ просто стыда нѣтъ!

Чебутыкинъ.—Милыя мои, хорошія мои, вы у меня единственныя, вы для меня самое дорогое, что только есть на свѣтѣ. Мнѣ скоро шестьдесятъ, я старикъ, одинокій, ничтожный старикъ... Ничего во мнѣ нѣтъ хорошаго, кромѣ этой любви къ вамъ, и если бы не вы, то я бы давно уже не жилъ на свѣтѣ... (*Ириня*) Милая, дѣточка моя, я зналъ васъ со дня вашего рожденія... носилъ на рукахъ... я любилъ покойницу маму...

Ирина.—Но зачѣмъ такіе дорогіе подарки!

Чебутыкинъ (*сквозь слезы, сердито*). — Дорогие подарки... Ну васъ совсѣмъ! (*Денищукъ*). Неси самоваръ туда... (*дразнитъ*) Дорогие подарки... (*Денищикъ уноситъ самоваръ въ залъ*).

Анеиса (*проходя черезъ юстину*). — Милыя, полковникъ незнакомый! Ужъ пальто снялъ, дѣточки, сюда идетъ. Аринушка, ты же будь ласковая, вѣжливенькая... (*уходя*) И завтракать уже давно пора... Господи...

Тузенбахъ.—Вершининъ, должно быть.

Входитъ Вершининъ.

Тузенбахъ.—Подполковникъ Вершининъ!

Вершининъ (*Маша и Ирина*). — Честь имѣю представиться: Вершининъ. Очень, очень радъ, что наконецъ я у васъ. Какія вы стали! Ай! ай!

Ирина.—Садитесь, пожалуйста. Намъ очень пріятно.

Вершининъ (*весело*).—Какъ я радъ, какъ я радъ! Но вѣдь васъ три сестры. Я помню—три дѣвочки. Лицъ ужъ не помню, но что у вашего отца, полковника Прозорова, были три маленькихъ дѣвочки, я отлично помню и видѣлъ собственными глазами. Какъ идетъ время! Ой, ой, какъ идетъ время!

Тузенбахъ. — Александръ Игнатьевичъ изъ Москвы.

Ирина.—Изъ Москвы? Вы изъ Москвы?

Вершининъ. — Да, оттуда. Вашъ покойный отецъ былъ тамъ батареинымъ командиромъ, а я въ той же бригадѣ офицеромъ. (*Машѣ*) Вотъ ваше лицо немножко помню, кажется.

Маша.—А я васъ—нѣтъ!

Ирина.—Оля! Оля! (*кричитъ въ залу*) Оля, иди же!

Ольга (*входитъ изъ залы въ истинную*).

Ирина.—Подполковникъ Вершининъ, оказывается, изъ Москвы.

Вершининъ.—Вы, стало быть, Ольга Сергѣевна, старшая... А вы Марія... А вы Ирина—младшая...

Ольга.—Вы изъ Москвы?

Вершининъ.—Да. Учился въ Москвѣ и началъ службу въ Москвѣ, долго служилъ тамъ, наконецъ, получилъ здѣсь батарею—перешель сюда, какъ видите. Я васъ не помню собствен-

но, помню только, что васъ было три сестры. Вашъ отецъ сохранился у меня въ памяти, вотъ закрою глаза и вижу, какъ живого. Я у васъ бывалъ въ Москвѣ...

Ольга.—Мнѣ казалось, я всѣхъ помню, и вдругъ...

Вершининъ.— Меня зовутъ Александромъ Игнатьевичемъ...

Ирина.— Александръ Игнатьевичъ, вы изъ Москвы... Вотъ неожиданность!

Ольга.—Вѣдь мы туда переѣзжаемъ.

Ирина.— Думаемъ, къ осени уже будемъ тамъ. Нашъ родной городъ, мы родились тамъ... На Старой Басманной улицѣ... *(Объ смѣются отъ радости)*.

Маша.— Неожиданно земляка увидѣли. *(живо)* Теперь вспомнила! Помнишь, Оля, у насъ говорили: «влюбленный майоръ». Вы были тогда поручикомъ и въ кого-то были влюблены, и васъ всѣ дразнили почему-то майоромъ...

Вершининъ *(смѣется)*.— Вотъ, вотъ... Влюбленный майоръ, это такъ...

Маша.— У васъ были тогда только усы... О, какъ вы постарѣли! *(сквозь слезы)* Какъ вы постарѣли!

Вершининъ.— Да, когда меня звали влюбленнымъ майоромъ, я былъ еще молодъ, былъ влюбленъ. Теперь не то.

Ольга.—Но у васъ еще ни одного сѣдого волоса. Вы постарѣли, но еще не стары.

Вершининъ.—Однако уже сорокъ третій годъ. Вы давно изъ Москвы?

Ирина.—Одиннадцать лѣтъ. Ну, что ты, Маша, плачешь, чудачка... (*сквозь слезы*). И я заплачу...

Маша.—Я ничего. А на какой вы улицѣ жили?

Вершининъ.—На Старой Басманной.

Ольга.—И мы тамъ тоже...

Вершининъ.—Одно время я жилъ на Нѣмецкой улицѣ. Съ Нѣмецкой улицы я хаживалъ въ Красныя казармы. Тамъ по пути угрюмый мостъ, подъ мостомъ вода шумить. Одинокому становится грустно на душѣ. (*пауза*) А здѣсь какая широкая, какая богатая рѣка! Чудесная рѣка!

Ольга.—Да, но только холодно. Здѣсь холодно и комары...

Вершининъ.—Что вы! Здѣсь такой здоровый, хорошій, славянскій климатъ. Лѣсъ, рѣка... и здѣсь тоже березы. Милыя, скромныя березы, я люблю ихъ больше всѣхъ деревьевъ. Хорошо здѣсь жить. Только странно, вокзалъ желѣзной дороги въ двадцати верстахъ... И никто не знаетъ, почему это такъ.

Соленый.—А я знаю, почему это такъ. (*вспглядятъ на него*) Потому что если бы вокзалъ былъ близко, то не былъ бы далеко, а если

онъ далеко, то, значитъ, не близко

Неловкое молчаніе.

Тузенбахъ. — Шутникъ, Василій Васильичъ.

Ольга. — Теперь и я вспомнила васъ. Помню.

Вершининъ. — Я вашу матушку зналъ.

Чебутыкинъ. — Хорошая была, царство ей небесное.

Ирина. — Мама въ Москвѣ погребена.

Ольга. — Въ Ново-Дѣвичьемъ...

Маша. — Представьте, я ужъ начинаю забывать ся лицо. Такъ и о насъ не будутъ помнить. Забудутъ.

Вершининъ. — Да. Забудутъ. Такова ужъ судьба наша, ничего не подѣлаешь. То, что кажется намъ серьезнымъ, значительнымъ, очень важнымъ, — придетъ время, — будетъ забыто, или будетъ казаться неважнымъ. (*пауза*) И интересно, мы теперь совсѣмъ не можемъ знать, что собственно будетъ считаться высокимъ, важнымъ, и что жалкимъ, смѣшнымъ. Развѣ открытіе Коперника, или, положимъ, Колумба не казалось въ первое время ненужнымъ, смѣшнымъ, а какой-нибудь пустой вздоръ, написанный чудакомъ, не казался истиной? И можетъ статься, что наша теперешняя жизнь, съ которой мы такъ миримся, будетъ современнымъ казаться странной, неудобной, не умной, недостаточно чистой, быть-можетъ, даже грѣшной...

Тузенбахъ.—Кто знаетъ? А, быть-можетъ, нашу жизнь назовутъ высокою и вспомнятъ о ней съ уваженіемъ. Теперь нѣтъ пытокъ, нѣтъ казней, нашествій, но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько страданій!

Соленый (*тонкимъ голосомъ*). Ципъ, ципъ, ципъ... Барона кашей не корми, а только дай ему пофилософствовать.

Тузенбахъ.—Василій Васильичъ, прошу васъ оставить меня въ покоѣ... (*садится на другое мѣсто*). Это скучно, наконецъ.

Соленый (*тонкимъ голосомъ*). Ципъ, ципъ, ципъ...

Тузенбахъ (*Вершинину*). Страданія, которыя наблюдаются теперь,—ихъ такъ много!—говорятъ все-таки объ извѣстномъ нравственномъ подъемѣ, котораго уже достигло общество...

Вершининъ.—Да, да, конечно.

Чебутыкинъ.—Вы только что сказали, баронъ, нашу жизнь назовутъ высокою; но люди все же низенькіе... (*встаетъ*) Глядите, какой я низенькій.

За сценой игра на скрипкѣ.

Маша.—Это Андрей играетъ, нашъ братъ

Ирина.—Онъ у насъ ученый. Должно быть, будетъ профессоромъ. Папа былъ военнымъ, а его сынъ избралъ себѣ ученую карьеру.

Маша.—По желанію папы.

Ольга. — Мы сегодня его задразнили. Онъ, кажется, влюбленъ немножко.

Ирина. — Въ одну здѣшнюю барышню. Сегодня она будетъ у насъ по всей вѣроятности.

Маша. — Ахъ какъ она одѣвается! Не то чтобы некрасиво, не модно, а просто жалко. Какая-то странная, яркая, желтоватая юбка съ этакой пошленькой бахромой и красная кофточка. И щеки такія вымытыя, вымытыя! Андрей не влюбленъ — я не допускаю, все-таки у него вкусъ есть, а просто онъ такъ, дразнить насъ, дурачится. Я вчера слышала, она выходитъ за Протопопова, предсѣдателя здѣшней управы. И прекрасно... *(въ боковую дверь)* Андрей, поди сюда! Милый, на минутку!

Входитъ Андрей.

Ольга. — Это мой братъ, Андрей Сергѣичъ.

Вершининъ. — Вершининъ.

Андрей. — Прозоровъ. *(утираетъ вспотѣвшее лицо)* Вы къ намъ батарейнымъ командиромъ?

Ольга. — Можешь представить, Александръ Игнатьичъ изъ Москвы.

Андрей. — Да? Ну, поздравляю, теперь мои сестрицы не дадутъ вамъ покою.

Вершининъ. — Я уже успѣлъ надоѣсть вашимъ сестрамъ.

Ирина. — Посмотрите, какую рамочку для портрета подарилъ мнѣ сегодня Андрей! *(показываетъ рамочку)* Это онъ самъ сдѣлалъ.

Вершининъ (*глядя на рамочку и не зная что сказать*).— Да... вещь...

Ирина.— И вотъ ту рамочку, что надъ пѣанино, онъ тоже сдѣлалъ.

Андрей (*машетъ рукой и отходитъ*).

Ольга.— Онъ у насъ и ученый, и на скрипкѣ играетъ, и выпиливаетъ разныя штучки, однимъ словомъ, мастеръ на всѣ руки. Андрей, не уходи! У него манера—всегда уходить. Поди сюда!

(*Маша и Ирина берутъ его подъ руки и со смѣхомъ ведутъ назадъ.*)

Маша.— Иди, иди!

Андрей.— Оставьте, пожалуйста.

Маша.— Какой смѣшной! Александра Игнатьевича называли когда-то влюбленнымъ майоромъ, и онъ нисколько не сердился.

Вершининъ.— Нисколько!

Маша.— А я хочу тебя назвать: влюбленный скрипачъ!

Ирина.— Или влюбленный профессоръ!...

Ольга.— Онъ влюбленъ! Андрюша влюбленъ!

Ирина (*аплодируя*).— Bravo, bravo! Бисъ! Андрюшка влюбленъ!

Чебутыкинъ (*подходитъ сзади къ Андрею и беретъ его обѣими руками за талию*).— Для любви одной природа насъ на свѣтъ произвела! (*хохочетъ, потомъ садится и читаетъ газету, которую вынулъ изъ кармана*)

Андрей.—Ну, довольно, довольно... (*утираетъ лицо.*) Я всю ночь не спалъ и теперь немножко не въ себѣ, какъ говорится. До четырехъ часовъ читалъ, потомъ легъ, но ничего не вышло. Думалъ о томъ, о семъ, а тутъ ранній разсвѣтъ, солнце такъ и лѣзетъ въ спальню. Хочу за лѣто, пока буду здѣсь, перевести одну книжку съ англійскаго, ..

Вершининъ.—А вы читаете по-англійски?

Андрей.—Да. Отецъ, царство ему небесное, угнеталъ насъ воспитаніемъ. Это смѣшно и глупо, но въ этомъ все-таки надо сознаться, послѣ его смерти я сталъ полнѣть и вотъ располнѣлъ въ одинъ годъ, точно мое тѣло освободилось отъ гнета. Благодаря отцу, я и сестры знаемъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки, а Ирина знаетъ еще по-итальянски. Но чего это стоило!

Маша.—Въ этомъ городѣ знать три языка ненужная роскошь. Даже и не роскошь, а какой-то ненужный придатокъ, въ родѣ шестого пальца. Мы знаемъ много лишняго.

Вершининъ.—Вотъ-те на! (*смѣется*) Знаете много лишняго! Мнѣ кажется, нѣтъ и не можетъ быть такого скучнаго и унылаго города, въ которомъ былъ бы ненуженъ умный, образованный человѣкъ. Допустимъ, что среди ста тысячъ населенія этого города, конечно, отсталаго и грубаго, такихъ, какъ вы, только три.

Само собою разумѣется, вамъ не побѣдить окружающей васъ темной массы; въ теченіе вашей жизни, мало-по-малу, вы должны будете уступить и затеряться въ стотысячной толпѣ, васъ заглушитъ жизнь, но все же вы не исчезнете, не останетесь безъ вліянія; такихъ, какъ вы, послѣ васъ явится уже, быть-можетъ, шесть, потомъ двѣнадцать и такъ далѣе, пока наконецъ такія, какъ вы, не станутъ большинствомъ. Черезъ двѣсти—триста лѣтъ жизнь на землѣ будетъ невообразимо прекрасной, изумительной. Человѣку нужна такая жизнь, и если ея нѣтъ пока, то онъ долженъ предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться къ ней, онъ долженъ для этого видѣть и знать больше, чѣмъ видѣли и знали его дѣдъ и отецъ. *(смѣется)* А вы жалуетесь, что знаете много лишняго.

Маша *(снимаетъ шляпу)*.—Я остаюсь завтракать.

Ирина *(со вздохомъ)*.—Право, все это слѣдовало бы записать...

Андрея нѣтъ, онъ незамѣтно ушелъ.

Тузенбахъ.—Черезъ много лѣтъ, вы говорите, жизнь на землѣ будетъ прекрасной, изумительной. Это правда. Но чтобы участвовать въ ней теперь, хотя издали, нужно приготовляться къ ней, нужно работать...

Вершининъ *(встаетъ)*.—Да. Сколько, однако, у васъ цвѣтовъ! *(оглядываясь)* И квартира чу-

лесная. Завидую! А я всю жизнь мою болтался по квартиркамъ съ двумя стульями, съ однимъ диваномъ, и съ печами, которыя всегда дымятъ. У меня въ жизни не хватало именно вотъ такихъ цвѣтовъ... *(протираетъ руки)* Эхъ! Ну, да что!

Тузенбахъ.— Да, нужно работать. Вы, небось, думаете: разчувствовался нѣмецъ. Но я, честное слово, русскій и по-нѣмецки даже не говорю. Отець у меня православный... *(пауза)*

Вершининъ *(ходитъ по сценѣ)*.— Я часто думаю: что если бы начать жизнь снова, притомъ сознательно? Если бы одна жизнь, которая уже прожита, была, какъ говорится, начерно, другая—начисто! Тогда каждый изъ насъ, я думаю, постарался бы прежде всего не повторять самого себя, по крайней мѣрѣ создалъ бы для себя иную обстановку жизни, устроилъ бы себѣ такую квартиру съ цвѣтами, съ массою свѣта... У меня жена, двое дѣвочекъ, притомъ жена дама нездоровая и такъ далѣе, и такъ далѣе, ну, а если бы начинать жизнь сначала, то я не женился бы... Нѣтъ, нѣтъ!

Входитъ Кулыгинъ въ форменномъ фракѣ.

Кулыгинъ *(подходитъ къ Иринѣ)*.— Дорогая сестра, позволь мнѣ поздравить тебя съ днемъ твоего ангела и пожелать искренно, отъ души, здоровья и всего того, что можно пожелать дѣвушкамъ твоихъ лѣтъ. И потомъ поднести

тебѣ въ подарокъ вотъ эту книжку. *(подаетъ книжку)* Исторія нашей гимназіи за пятьдесятъ лѣтъ, написанная мною. Пустяшная книжка, написана отъ нечего дѣлать, но ты все-таки прочти. Здравствуйте, господа! *(Вершинину)* Кулыгинъ, учитель здѣшней гимназіи. Надворный совѣтникъ. *(Иринѣ)* Въ этой книжкѣ ты найдешь списокъ всѣхъ, кончившихъ курсъ въ нашей гимназіи за эти пятьдесятъ лѣтъ. Feci quod potui, faciant meliora potentes. *(цѣлуетъ Машу).*

Ирина.—Но вѣдь на Пасху ты уже подарилъ мнѣ такую книжку.

Кулыгинъ *(смѣется).*—Не можетъ быть! Въ такомъ случаѣ отдай назадъ, или вотъ лучше отдай полковнику. Возьмите, полковникъ. Когда-нибудь прочтете отъ скуки.

Вершининъ. — Благодарю васъ. *(собирается уйти)* Я чрезвычайно радъ, что познакомился...

Ольга.—Вы уходите? Нѣтъ, нѣтъ!

Ирина.—Вы останетесь у насъ завтракать. Пожалуйста.

Ольга.—Прошу васъ!

Вершининъ *(кланяется).*—Я, кажется, попалъ на именины. Простите, я не зналъ, не поздравилъ васъ... *(уходитъ съ Ольгой въ залу.)*

Кулыгинъ.—Сегодня, господа, воскресный день, день отдыха, будемъ же отдыхать, будемъ веселиться каждый сообразно со своимъ возрастомъ и положеніемъ. Ковры надо будетъ

убрать на лѣто и спрятать до зимы... Персидскимъ порошкомъ, или нафталиномъ... Римляне были здоровы, потому что умѣли трудиться, умѣли и отдыхать, у нихъ была *mens sana in corpore sano*. Жизнь ихъ текла по извѣстнымъ формамъ. Нашъ директоръ говоритъ: главное во всякой жизни—это ея форма... Что теряетъ свою форму, то кончается—и въ нашей обыденной жизни то же самое. (*береть Машу за талию, смѣясь*) Маша меня любить. Моя жена меня любить. И оконныя занавѣски тоже туда съ коврами... Сегодня я весель, въ отличномъ настроеніи духа. Маша, въ четыре часа сегодня мы у директора. Устраивается прогулка педагоговъ и ихъ семействъ.

Маша.—Не пойду я.

Кулыгинъ (*огорченный*).—Милая Маша, почему?

Маша.—Послѣ объ этомъ... (*сердито*) Хорошо, я пойду, только отстань, пожалуйста... (*отходитъ*)

Кулыгинъ.—А затѣмъ вечеръ проведемъ у директора. Несмотря на свое болѣзненное состояніе, этотъ человѣкъ старается прежде всего быть общественнымъ. Превосходная, свѣтлая личность. Великолѣпный человѣкъ. Вчера послѣ совѣта онъ мнѣ говоритъ: «Усталъ, Федоръ Ильичъ! Усталъ!» (*смотритъ на стѣнные часы, потомъ на свои*) Ваши часы спѣшать на семь минутъ. Да, говоритъ, усталъ!

За сценой игра на скрипкѣ.

Ольга.—Господа, милости просимъ, пожалуйста завтракать! Пирогъ!

Кулыгинъ.—Ахъ, милая моя Ольга, милая моя. Я вчера работаль съ утра до одиннадцати часовъ вечера, усталъ и сегодня чувствую себя счастливымъ. *(уходитъ въ залу къ столу)*
Милая моя...

Чебутыкинъ *(кладетъ газету въ карманъ, причесываетъ бороду).*—Пирогъ? Великолѣпно!

Маша *(Чебутыкину строго).*—Только смотрите: ничего не пить сегодня. Слышите? Вамъ вредно пить.

Чебутыкинъ.—Эва! У меня ужъ прошло. Два года, какъ запоя не было. *(нетерпѣливо)* Э, матушка, да не все ли равно!

Маша.—Все-таки не смѣйте пить. Не смѣйте. *(сердито, но такъ, чтобы не слышалъ мужъ)*
Опять, чортъ подери, скучать цѣлый вечеръ у директора!

Тузенбахъ.—Я бы не пошелъ на вашемъ мѣстѣ... Очень просто.

Чебутыкинъ.—Не ходите.

Маша.—Да, не ходите... Эта жизнь проклятая, невыносимая... *(идетъ въ залу)*

Чебутыкинъ *(идетъ къ ней).*—Ну-у!

Соленый *(проходя въ залу).*—Ципъ, ципъ, ципъ...

Тузенбахъ.—Довольно, Василий Васильичъ.
Будеть!

Соленый.—Ципъ, ципъ, ципъ...

Кулыгинъ (*весело*).—Ваше здоровье, полковникъ! Я педагогъ, и здѣсь въ домѣ свой человѣкъ, Машинъ мужъ... Она добрая, очень добрая...

Вершининъ.— Я выпью вотъ этой темной водки... (*пьетъ*) Ваше здоровье! (*Ольга*) Мнѣ у васъ такъ хорошо!...

Въ гостиной остаются только Ирина и Тузенбахъ.

Ирина.—Маша сегодня не въ духѣ. Она вышла замужъ восемнадцати лѣтъ, когда онъ казался ей самымъ умнымъ человѣкомъ. А теперь не то. Онъ самый добрый, но не самый умный.

Ольга (*нетерпливо*).—Андрей, иди же наконецъ!

Андрей (*за сценой*).— Сейчасъ. (*входитъ и идетъ къ столу*).

Тузенбахъ.—О чемъ вы думаете?

Ирина.—Такъ. Я не люблю и боюсь этого вашего Соленого. Онъ говоритъ однѣ глупости...

Тузенбахъ.—Станный онъ человѣкъ. Мнѣ и жаль его, и досадно, но больше жаль. Мнѣ кажется, онъ застѣнчивъ... Когда мы вдвоемъ съ нимъ, то онъ бываетъ очень уменъ и ласковъ, а въ обществѣ онъ грубый человѣкъ, бреттеръ. Не ходите, пусть пока сядутъ за столъ. Дайте мнѣ побыть около васъ. О чемъ вы думаете? (*пауза*) Вамъ двадцать лѣтъ, мнѣ

еще нѣтъ тридцати. Сколько лѣтъ намъ осталось впереди, длинный, длинный рядъ дней, полныхъ моею любви къ вамъ...

Ирина.—Николай Львовичъ, не говорите мнѣ о любви.

Тузенбахъ *(не слушая).*—У меня страстная жажда жизни, борьбы, труда и эта жажда въ душѣ слилась съ любовью къ вамъ, Ирина, и, какъ нарочно, вы прекрасны, и жизнь мнѣ кажется такой прекрасной! О чемъ вы думаете?

Ирина.—Вы говорите: прекрасна жизнь. Да, но если она только кажется такой! У насъ трехъ сестеръ, жизнь не была еще прекрасной, она заглушала насъ, какъ сорная трава... Текуть у меня слезы. Это не нужно... *(быстро вытираетъ лицо, улыбается)* Работать нужно, работать. Оттого намъ невесело и смотримъ мы на жизнь такъ мрачно, что не знаемъ труда. Мы родились отъ людей, презиравшихъ трудъ...

Наталя Ивановна входитъ; она въ розовомъ платьѣ, съ зеленымъ поясомъ.

Наташа.—Тамъ уже завтракать садятся... Я опоздала... *(мелькомъ глядится въ зеркало, поправляется)* Кажется, причесана ничего себѣ... *(увидѣвъ Ирину)* Милая Ирина Сергѣевна, поздравляю васъ! *(цѣлуетъ крѣпко и продолжительно)* У васъ много гостей, мнѣ, право, совѣстно... Здравствуйте, баронъ!

Ольга (*входя въ гостиную*).—Ну, вотъ и Наталія Ивановна. Здравствуйте, моя милая! (*цѣлуются*).

Наташа. — Съ именинницей. У васъ такое большое общество, я смущена ужасно...

Ольга.—Полно, у насъ все свои. (*вполголоса испуганно*) На васъ зеленый поясъ! Милая, это не хорошо!

Наташа.—Развѣ есть примѣта?

Ольга.—Нѣтъ, просто не идетъ... и какъ-то странно...

Наташа (*плачущимъ голосомъ*). — Да? Но вѣдь это не зеленый, а скорѣе матовый. (*идетъ за Ольгой въ залу*).

Въ залѣ садятся завтракать; въ гостиной ни души.

Кулыгинъ.—Желаю тебѣ, Ирина, жениха хорошаго. Пора тебѣ ужъ выходить.

Чебутыкинъ.—Наталья Ивановна, и вамъ женишка желаю.

Кулыгинъ. — У Натальи Ивановны уже есть женишокъ.

Маша.—(*стучитъ вилокъ по тарелкѣ*) Господа, я желаю сказать рѣчь...

Кулыгинъ.—Ты ведешь себя на три съ минутомъ.

Вершининъ.—А наливка вкусная. На чемъ это настоено?

Соленый.—На тараканахъ.

Ирина (*плачущимъ голосомъ*).—Фу! Фу! Какое отвращеніе!..

Ольга.—За ужиномъ будетъ жареная индейка и сладкій пирогъ съ яблоками. Слава Богу, сегодня цѣлый день я дома, вечеромъ—дома... Господа, вечеромъ приходите...

Вершининъ.—Позвольте и мнѣ придти вечеромъ!

Ирина.—Пожалуйста.

Наташа.—У нихъ попросту.

Чебутыкинъ.—Для любви одной природа насъ на свѣтъ произвела. (*смѣется*).

Андрей (*сердито*).—Перестаньте, господа! Не надоѣло вамъ.

Федотикъ и Родэ входятъ съ большой корзиной цвѣтовъ.

Федотикъ.—Однако уже завтракаютъ.

Родэ (*громко и картавя*).—Завтракаютъ? Да, уже завтракаютъ...

Федотикъ.—Погоди минутку! (*снимаетъ фотографію*) Разъ! Погоди еще немного... (*снимаетъ друую фотографію*) Два! Теперь готово! (*берутъ корзину и идутъ въ залу, идъ ихъ встрѣчаютъ съ шумомъ*).

Родэ (*громко*).—Поздравляю, желаю всего, всего! Погода сегодня очаровательная, одно великолѣпіе. Сегодня все утро гулялъ съ гимназистами. Я преподаю въ гимназіи гимнастику...

Федотикъ.—Можете двигаться, Ирина Сергѣев-

на, можете! (*снимая фотографію*) Вы сегодня интересны. (*вынимаетъ изъ кармана волчекъ*) Вотъ между прочимъ волчекъ... Удивительный звукъ...

Ирина.—Какая прелесть!

Маша.—У лукоморья дубъ зеленый, золотая цѣпь на дубѣ томъ... Золотая цѣпь на дубѣ томъ... (*плаксивно*) Ну, зачѣмъ я это говорю? Привязалась ко мнѣ эта фраза съ самаго утра...

Кулыгинъ.—Тринадцать за столомъ!

Родэ (*громко*).—Господа, неужели вы придаете значеніе предрасудкамъ? (*смѣхъ*).

Кулыгинъ.—Если тринадцать за столомъ, то, значитъ, есть тутъ влюбленные. Ужъ не вы ли, Иванъ Романовичъ, чего добраго... (*смѣхъ*).

Чебутыкинъ.—Я старый грѣшникъ, а вотъ отчего Наталья Ивановна сконфузилась, рѣшительно понять не могу.

Громкій смѣхъ; Наташа выбѣгаетъ изъ залы въ истинную, за ней Андрей.

Андрей.—Полно, не обращайтесь вниманія! Погодите... постоитъ, прошу васъ...

Наташа.—Мнѣ стыдно... Я не знаю, что со мной дѣлается, а они поднимаютъ меня на смѣхъ. То, что я сейчасъ вышла изъ-за стола, неприлично, но я не могу... не могу... (*закрываетъ лицо руками*).

Андрей.—Дорогая моя, прошу васъ, умоляю, не волнуйтесь. Увѣряю васъ, они шутятъ, они отъ добраго сердца. Дорогая моя, моя хорошая,

они всё добрые, сердечные люди, и любятъ меня и васъ. Идите сюда къ окну, насъ здѣсь не видно имъ... (*оглядывается*).

Наташа.—Я такъ не привыкла бывать въ обществѣ!..

Андрей.—О, молодость, чудная, прекрасная молодость! Моя дорогая, моя хорошая, не волнуйтесь такъ!.. Вѣрьте мнѣ, вѣрьте... Мнѣ такъ хорошо, душа полна любви, восторга... О, насъ не видятъ! Не видятъ! За что, за что я полюбилъ васъ, когда полюбилъ—о, ничего не понимаю. Дорогая моя, хорошая, чистая, будьте моей женой! Я васъ люблю, люблю... какъ никого никогда... (*Поцѣлуй*).

Два офицера входятъ и, увидѣвъ цѣлующуюся пару, останавливаются въ изумленіи.

З а н а в ѣ с ѣ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Декорация перваго акта.

Восемь часовъ вечера. За сценой на улицѣ едва слышно играютъ на гармоникѣ. Нѣтъ огня. Входитъ Наталья Ивановна въ капотъ, со свѣчей; она идетъ и останавливается у двери, которая ведетъ въ комнату Андрея.

Наташа. — Ты, Андрюша, что дѣлаешь? Читаешь? Ничего, я такъ только... (*идетъ, открываетъ другую дверь и, заглянувъ въ нее, затворяетъ*) Огня нѣтъ ли...

Андрей (*входитъ съ книгой въ руки*).—Ты что, Наташа?

Наташа. — Смотрю, огня нѣтъ ли... Теперь масляница, прислуга сама не своя, гляди да и гляди, чтобъ чего не вышло. Вчера въ полночь прохожу черезъ столовую, а тамъ свѣча горитъ. Кто зажегъ, такъ и не добилась толку. (*ставитъ свѣчу*) Который часъ?

Андрей (*взглянувъ на часы*).—Девятаго четверть.

Наташа.—А Ольги и Ирины до сихъ поръ еще нѣтъ. Не пришли. Все трудятся бѣдняжки. Ольга на педагогическомъ совѣтѣ, Ирина на телеграфѣ... (*вздыхаетъ*) Сегодня утромъ говорю твоей сестрѣ: «Побереги, говорю, себя, Ирина, голубчикъ». И не слушаетъ. Четверть девятаго, говоришь? Я боюсь, Бобикъ нашъ совсѣмъ нездоровъ. Отчего онъ холодный такой? Вчера у него былъ жаръ, а сегодня холодный весь... Я такъ боюсь!

Андрей.—Ничего, Наташа. Мальчикъ здоровъ.

Наташа. — Но все-таки лучше пускай діета. Я боюсь. И сегодня въ десятомъ часу, говорили, ряженые у насъ будутъ, лучше бы они не приходили, Андрюша.

Андрей.—Право, я не знаю. Ихъ вѣдь звали.

Наташа. — Сегодня мальчишечка проснулся утромъ и глядитъ на меня, и вдругъ улыбнулся; значитъ, узналъ. «Бобикъ, говорю, здравствуй! Здравствуй, милый!» А онъ смѣется. Дѣти

понимають, отлично понимаютъ. Такъ, значить, Андрюша, я скажу, чтобы ряженныхъ не принимали.

Андрей (*нервнительно*). — Да вѣдь это какъ сестры. Онѣ тутъ хозяйки.

Наташа. — И онѣ тоже, я имъ скажу. Онѣ добрыя... (*идетъ*) Къ ужину я велѣла простокваши. Докторъ говоритъ, тебѣ нужно одну простоквашу ѣсть, иначе не похудѣешь. (*останавливается*) Бобикъ холодный. Я боюсь, ему холодно въ его комнатѣ, пожалуй. Надо бы хоть до теплой погоды помѣстить его въ другой комнатѣ. Напримѣръ, у Ирины комната, какъ разъ для ребенка: и сухо, и цѣлый день солнце. Надо ей сказать, она пока можетъ съ Ольгой въ одной комнатѣ.. Все равно днемъ дома не бываетъ, только ночуетъ... (*пауза*) Андрюшанчикъ, отчего ты молчишь?

Андрей.—Такъ, задумался.. Да и нечего говорить...

Наташа.—Да... Что-то я хотѣла тебѣ сказать... Ахъ, да. Тамъ изъ управы Ферапонтъ пришелъ, тебя спрашиваетъ.

Андрей (*звываетъ*).—Позови его.
Наташа уходитъ; Андрей, нагнувшись къ забытой ею свѣчѣ, читаетъ книгу. Входитъ Ферапонтъ; онъ въ старомъ трепаномъ пальто, съ поднятымъ воротникомъ, уши повязаны.

Андрей.—Здравствуй, душа моя. Что скажешь?

Ферапонть.—Предсѣдатель прислалъ книжку и бумагу какую-то. Вотъ... (*подаетъ книгу и пакетъ*).

Андрей.—Спасибо. Хорошо. Отчего же ты пришелъ такъ не рано? Вѣдь девятый часъ уже

Ферапонть.—Чего?

Андрей (*громче*).—Я говорю, поздно пришелъ, уже девятый часъ.

Ферапонть.—Такъ точно. Я пришелъ къ вамъ, еще свѣтло было, да не пускали все. Баринъ, говорятъ, занятъ. Ну, что-жъ. Занятъ, такъ занятъ, спѣшить мнѣ некуда. (*думая, что Андрей спрашиваетъ его о чемъ-то*) Чего?

Андрей.—Ничего. (*разсматривая книгу*) Завтра пятница, у насъ нѣтъ присутствія, но я все равно приду... займусь. Дома скучно... (*пауза*) Милый дѣдъ, какъ странно мѣняется, какъ обманываетъ жизнь! Сегодня отъ скуки, отъ нечего дѣлать, я взялъ въ руки вотъ эту книгу—старыя университетскія лекціи, и мнѣ стало смѣшно... Боже мой, я секретарь земской управы, той управы, гдѣ предсѣдательствуетъ Протопоповъ, я секретарь, и самое большее, на что я могу надѣяться, это — быть членомъ земской управы! Мнѣ быть членомъ здѣшней земской управы, мнѣ, которому снится каждую ночь, что я профессоръ московскаго университета, знаменитый ученый, которымъ гордится русская земля!

Ферапонть.—Не могу знать... Слышу-то плохо...

Андрей.—Если бы ты слышалъ какъ слѣдуетъ, то я, быть-можетъ, и не говорилъ бы съ тобой. Мнѣ нужно говорить съ кѣмъ-нибудь, а жена меня не понимаетъ, сестеръ я боюсь почему-то, боюсь, что онѣ засмѣютъ меня, застыдятъ... Я не пью, трактировъ не люблю, но съ какимъ удовольствіемъ я посидѣлъ бы теперь въ Москвѣ у Тѣстова, или въ Большомъ Московскомъ, голубчикъ мой.

Ферапонть.—А въ Москвѣ, въ управѣ давеча рассказывалъ подрядчикъ, какіе-то купцы ѣли блины; одинъ, который съѣлъ сорокъ блиновъ, будто померъ. Не то сорокъ, не то пятьдесятъ. Не упомяну.

Андрей.—Сидишь въ Москвѣ, въ громадной залѣ ресторана, никого не знаешь и тебя никто не знаетъ, и въ то же время не чувствуешь себя чужимъ... А здѣсь ты всѣхъ знаешь и тебя всѣ знаютъ, но чужой, чужой... Чужой и одинокій.

Ферапонть.—Чего? (*пауза*) И тотъ же подрядчикъ сказывалъ—можетъ, и вретъ, будто поперекъ всей Москвы канать протянутъ.

Андрей.—Для чего?

Ферапонть.—Не могу знать. Подрядчикъ говорилъ.

Андрей.—Чепуха. (*читаетъ книгу*) Ты былъ когда-нибудь въ Москвѣ?

Ферапонть (*посль паузы*).— Не былъ. Не привелъ Богъ. (*пауза*) Мнѣ идти?

Андрей.— Можешь идти. Будь здоровъ. (*Ферапонть уходитъ*) Будь здоровъ. (*читая*) Завтра утромъ придешь, возьмешь тутъ бумаги... Ступай... (*пауза*) Онъ ушелъ. (*звонокъ*) Да, дѣла... (*потягивается и не спѣша уходитъ къ себѣ*).

За сценой поетъ нянька, укачивая ребенка. Входятъ Маша и Вершининъ. Пока они бесѣдуютъ, въ залъ горничная зажигаетъ лампы и свѣчи.

Маша.— Не знаю. (*пауза.*) Не знаю. Конечно, много значитъ привычка. Послѣ смерти отца, напримѣръ, мы долго не могли привыкнуть къ тому, что у насъ уже нѣтъ денщиковъ. Но и помимо привычки, мнѣ кажется, говорить во мнѣ просто справедливость. Можетъ быть, въ другихъ мѣстахъ и не такъ, но въ нашемъ городѣ самые порядочные, самые благородные и воспитанные люди—это военные.

Вершининъ.— Мнѣ пить хочется. Я бы выпилъ чаю.

Маша (*взянувъ на часы*).— Скоро дадутъ. Меня выдали замужъ, когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ, и я своего мужа боялась, потому что онъ былъ учителемъ, а я тогда едва кончила курсъ. Онъ казался мнѣ тогда ужасно ученымъ, умнымъ и важнымъ. А теперь ужъ не то, къ сожалѣнію.

Вершининъ.— Такъ... да.

Маша.—Про мужа я не говорю, къ нему я привыкла, но между штатскими вообще такъ много людей грубыхъ, не любезныхъ, не воспитанныхъ. Меня волнуетъ, оскорбляетъ грубость, я страдаю, когда вижу, что человѣкъ недостаточно тонокъ, недостаточно мягокъ, любезенъ. Когда мнѣ случается быть среди учителей, товарищей мужа, то я просто страдаю.

Вершининъ.—Да-съ... Но мнѣ кажется, все равно, что штатскій, что военный, одинаково неинтересно, по крайней мѣрѣ, въ этомъ городѣ. Все равно! Если послушать здѣшняго интеллигента, штатскаго или военнаго, то съ женой онъ замучился, съ домомъ замучился, съ имѣніемъ замучился, съ лошадьми замучился... Русскому человѣку въ высшей степени свойствененъ возвышенный образъ мыслей, но скажите, почему въ жизни онъ хватаетъ такъ невысоко? Почему?

Маша.—Почему?

Вершининъ.—Почему онъ съ дѣтьми замучился, съ женой замучился? А почему жена и дѣти съ нимъ замучились?

Маша.—Вы сегодня немножко не въ духѣ.

Вершининъ.—Можетъ быть. Я сегодня не обѣдалъ, ничего не ѣлъ съ утра. У меня дочь больна немножко, а когда болѣютъ мои дѣвочки, то мною овладѣваетъ тревога, меня мучаетъ совѣсть за то, что у нихъ такая мать.

О, если бы вы видѣли ее сегодня! Что за ничтожество. Мы начали браниться съ семи часовъ утра, а въ девять я хлопнулъ дверью и ушелъ. *(пауза)* Я никогда не говорю объ этомъ, и странно, жалуясь только вамъ одной. *(цѣлуетъ руку.)* Не сердитесь на меня. Кромѣ васъ одной, у меня нѣтъ никого, никого... *(пауза).*

Маша.—Какой шумъ въ печкѣ. У насъ не задолго до смерти отца гудѣло въ трубѣ. Вотъ точно такъ.

Вершининъ.—Вы съ предрасудками?

Маша.—Да.

Вершининъ.—Странно это. *(цѣлуетъ руку)* Вы великолѣпная, чудная женщина. Великолѣпная, чудная! Здѣсь темно, но я вижу блескъ вашихъ глазъ.

Маша. *(садится на друую стуль).*—Здѣсь свѣтлѣй...

Вершининъ.—Я люблю, люблю, люблю... Люблю ваши глаза, ваши движенія, которыя мнѣ снятся... Великолѣпная, чудная женщина!

Маша *(тихо смѣясь).* Когда вы говорите со мной такъ, то я почему-то смѣюсь, хотя мнѣ страшно... Не повторяйте, прошу васъ... *(вполмолоса)* А, впрочемъ, говорите, мнѣ все равно... *(закрываетъ лицо руками)* Мнѣ все равно... Сюда идутъ, говорите о чемъ-нибудь другомъ...

(Ирина и Тузенбахъ входятъ черезъ залу.)

Тузенбахъ.—У меня тройная фамилія. Меня зовутъ баронъ Тузенбахъ-Кроне-Альтшауеръ, но я русскій, православный, какъ вы. Нѣмецкаго у меня осталось мало, развѣ только терпѣливость, упрямство, съ какимъ я надѣждаю вамъ. Я провожаю васъ каждый вечеръ.

Ирина.—Какъ я устала!

Тузенбахъ.—И каждый день буду приходить на телеграфъ и провожать васъ домой, буду десять - двадцать лѣтъ, пока вы не прогоните... *(увидѣвъ Машу и Вершинина, радостно.)* Это вы? Здравствуйте.

Ирина.—Вотъ я и дома, наконецъ. *(Маша)* Сейчасъ приходитъ одна дама, телеграфируетъ своему брату въ Саратовъ, что у ней сегодня сынъ умеръ, и никакъ не можетъ вспомнить адреса. Такъ и послала безъ адреса, просто въ Саратовъ. Плачетъ. И я ей нагубила ни съ того, ни съ сего. «Мнѣ, говорю, некогда». Такъ глупо вышло. Сегодня у насъ ряженые?

Маша.—Да.

Ирина *(садится въ кресло)*. Отдохнуть. Устала.

Тузенбахъ *(съ улыбкой)*.—Когда вы приходите съ должности, то кажетесь такой молоденькой, несчастненькой... *(пауза.)*

Ирина.—Устала. Нѣтъ, не люблю я телеграфа, не люблю.

Маша.—Ты похудѣла... *(насвистываетъ)* И

помолодѣла, и на мальчишку стала похожа лицомъ.

Тузенбахъ.—Это отъ прически.

Ирина.—Надо поискать другую должность, а эта не по мнѣ. Чего я такъ хотѣла, о чемъ мечтала, того-то въ ней именно и нѣтъ. Трудъ безъ поэзіи, безъ мыслей... (*стукъ въ полъ*) Докторъ стучитъ... (*Тузенбаху*) Милый, постучите.... Я не могу... устала...

Тузенбахъ (*стучитъ въ полъ*).

Ирина.—Сейчасъ придетъ. Надо бы принять какія-нибудь мѣры. Вчера докторъ и нашъ Андрей были въ клубѣ и опять проигрались. Говорятъ, Андрей двѣсти рублей проигралъ.

Маша (*равнодушно*).—Что-жъ теперь дѣлать!

Ирина.—Двѣ недѣли назадъ проигралъ, въ декабрѣ проигралъ. Скорѣе бы все проигралъ, быть-можетъ, уѣхали бы изъ этого города. Господи Боже мой, мнѣ Москва снится каждую ночь, я совсѣмъ какъ помѣшанная. (*смѣется*) Мы переѣзжаемъ туда въ іюнѣ, а до іюня осталось еще... февраль, мартъ, апрѣль, май... почти полгода!

Маша.—Надо только, чтобы Наташа не узнала какъ-нибудь о проигрышѣ.

Ирина.—Ей, я думаю, все равно.

Чебутыкинъ, только-что вставшій съ постели, — онъ отдыхалъ послѣ обѣда, — входитъ въ залу

и причесываетъ бороду, потомъ садится за столъ и вынимаетъ изъ кармана газету.

Маша.—Вотъ пришелъ... Онъ заплатилъ за квартиру?

Ирина (*смѣется*).—Нѣтъ. За восемь мѣсяцевъ ни копеечки. Очевидно, забылъ.

Маша (*смѣется*).—Какъ онъ важно сидитъ! (*всѣ смѣются; пауза*)

Ирина.—Что вы молчите, Александръ Игнатьичъ?

Вершининъ.—Не знаю. Чаю хочется. Полжизни за стаканъ чаю! Съ утра ничего не ѣлъ...

Чебутыкинъ.—Ирина Сергѣевна!

Ирина. Что вамъ?

Чебутыкинъ. — Пожалуйста сюда. Venez ici. (*Ирина идетъ и садится за столъ*) Я безъ васъ не могу. (*Ирина раскладываетъ пасьянсъ.*)

Вершининъ.—Что-жъ? Если не даютъ чаю, то давайте хоть пофилософствуемъ.

Тузенбахъ.—Давайте. О чемъ?

Вершининъ.—О чемъ? Давайте помечтаемъ... наприимѣръ, о той жизни, какая будетъ послѣ насъ, лѣтъ черезъ двѣсти-триста.

Тузенбахъ.—Что-жъ? Послѣ насъ будутъ летать на воздушныхъ шарахъ, измѣнятся пиджаки, откроютъ, быть-можетъ, шестое чувство и разовьютъ его, но жизнь останется

все та же, жизнь трудная, полная тайнъ и счастливая. И черезъ тысячу лѣтъ человѣкъ будетъ такъ же вздыхать: «ахъ, тяжело жить!»— и вмѣстѣ съ тѣмъ точно такъ же, какъ теперь, онъ будетъ бояться и не хотѣть смерти.

Вершининъ (*подумавъ*).—Какъ вамъ сказать? Мнѣ кажется, все на землѣ должно измѣниться мало-по-малу и уже мѣняется на нашихъ глазахъ. Черезъ двѣсти-триста, наконецъ, тысячу лѣтъ,—дѣло не въ срокѣ,—настанетъ новая счастливая жизнь. Участвовать въ этой жизни мы не будемъ, конечно, но мы для нея живемъ теперь, работаемъ, ну, страдаемъ, мы творимъ ее—и въ этомъ одномъ цѣль нашего бытія и, если хотите, наше счастье.

Маша (*тихо смѣется*).

Тузенбахъ.—Что вы?

Маша.—Не знаю. Сегодня весь день смѣюсь съ утра.

Вершининъ.—Я кончилъ тамъ же, гдѣ и вы, въ академіи я не былъ; читаю я много, но выбирать книгъ не умѣю и читаю, быть можетъ, совсѣмъ не то, что нужно, а между тѣмъ, чѣмъ больше живу, тѣмъ больше хочу знать. Мои волосы сѣдѣютъ, я почти старикъ уже, но знаю мало, ахъ какъ мало! Но все же, мнѣ кажется, самое главное и настоящее я знаю, крѣпко знаю. И какъ бы мнѣ хотѣлось

доказать вамъ, что счастья нѣтъ, не должно быть и не будетъ для насъ... Мы должны только работать и работать, а счастье это удѣлъ нашихъ далекихъ потомковъ. (*пауза*) Не я, то хоть потомки потомковъ моихъ.

Федотикъ и Родэ показываются въ залъ; они садятся и напѣваютъ тихо, напѣывая на штарфъ.

Тузенбахъ.—По вашему, даже не мечтать о счастье! Но если я счастливъ!

Вершининъ.—Нѣтъ.

Тузенбахъ (*всплеснувъ руками и смѣясь*).—Очевидно, мы не понимаемъ другъ друга. Ну, какъ мнѣ убѣдить васъ?

Маша (*тихо смѣется*).

Тузенбахъ (*показываетъ ей палецъ*).—Смѣйтесь! (*Вершинину*). Не то что черезъ двѣсти или триста, но и черезъ миллионъ лѣтъ жизнь останется такою же, какъ и была; она не мѣняется, остается постоянною, слѣдуя своимъ собственнымъ законамъ, до которыхъ намъ нѣтъ дѣла или, по крайней мѣрѣ, которыхъ вы никогда не узнаете. Перелетныя птицы, журавли, напимѣрѣ, летятъ и летятъ, и какія бы мысли, высокія или малыя, не бродили въ ихъ головахъ, все же будутъ летѣть и не зная, зачѣмъ и куда. Они летятъ и будутъ летѣть, какіе бы философы не завелись среди нихъ:

и пускай философствуютъ, какъ хотятъ, лишь бы летѣли...

Маша.—Все-таки смыслъ?

Тузенбахъ.—Смыслъ... Вотъ снѣгъ идетъ. Какой смыслъ? (*пауза*).

Маша.—Мнѣ кажется, человѣкъ долженъ быть вѣрующимъ, или долженъ искать вѣры, иначе жизнь его пуста, пуста... Жить и не знать, для чего журавли летятъ, для чего дѣти рождаются, для чего звѣзды на небѣ... Или знать для чего живешь, или же все пустяки, тринь-трава. (*Пауза*).

Вершининъ.—Все-таки жалко, что молодость прошла...

Маша.—У Гоголя сказано: скучно жить на этомъ свѣтѣ, господа!

Тузенбахъ.—А я скажу: трудно съ вами спорить, господа! Ну васъ совсѣмъ...

Чебутыкинъ (*читая газету*).—Бальзакъ вѣнчался въ Бердичевѣ.

Ирина (*напѣваетъ тихо*).

Чебутыкинъ.—Даже запишу себѣ это въ книжку. (*записываетъ*.) Бальзакъ вѣнчался въ Бердичевѣ. (*читаетъ газету*).

Ирина (*раскладываетъ пасьянсъ, задумчиво*).—Бальзакъ вѣнчался въ Бердичевѣ.

Тузенбахъ.—Жребій брошенъ. Вы знаете, Марія Сергѣевна, я подалъ въ отставку.

Маша.—Слышала. И ничего я не вижу въ этомъ хорошаго. Не люблю я штатскихъ.

Тузенбахъ.—Все равно... (*встаетъ*) Я не красивъ, какой я военный? Ну, да все равно, впрочемъ... Буду работать. Хоть одинъ день въ моей жизни поработать такъ, чтобы придти вечеромъ домой, въ утомленіи повалиться въ постель и уснуть тотчасъ же... (*уходя въ залу*) Рабочіе, должно быть, спать крѣпко!

Федотикъ (*Ириня*).—Сейчасъ на Московской у Пыжикова купилъ для васъ цвѣтныхъ карандашей... И вотъ этотъ ножичекъ...

Ирина.—Вы привыкли обращаться со мной, какъ съ маленькой, но вѣдь я уже выросла... (*беретъ карандаши и ножичекъ, радостно*). Какая прелесть!

Федотикъ.—А для себя я купилъ ножикъ... вотъ поглядите... ножъ, еще другой ножъ, третій, это въ ушахъ ковырять, это ножнички, это ногти чистить...

Родэ (*громко*).—Докторъ, сколько вамъ лѣтъ?

Чебутыкинъ.—Мнѣ? Тридцать два. (*смѣхъ*).

Федотикъ.—Я сейчасъ покажу вамъ другой пасьянсъ... (*Раскладываетъ пасьянсъ*).

Подаютъ самоваръ; Анюса около самовара; немногу поудя приходитъ Наташа и тоже суетится около стола; приходитъ Соленый, и поздоровавшись, садится за столъ.

Вершининъ.—Однако, какой вѣтеръ!

Маша.—Да. Надоѣла зима. Я уже и забыла, какое лѣто.

Ирина.—Выйдетъ пасьянсъ, я вижу. Будемъ въ Москвѣ.

Федотикъ.—Нѣтъ, не выйдетъ. Видите, осьмерка легла на двойку пикъ. *(смѣется)* Значить, вы не будете въ Москвѣ.

Чебутыкинъ *(читаетъ газету)*. — Цицикаръ. Здѣсь свирѣпствуетъ оспа.

Анеиса *(подходя къ Машѣ)*.—Маша, чай кушать, матушка. *(Вершинину)* Пожалуйте, ваше высокоблагородіе... простите, батюшка, забыла имя, отчество...

Маша.—Принеси сюда, няня. Туда не пойду.

Ирина.—Няня!

Анеиса.—Иду-у!

Наташа *(Соленому)*.—Грудныя дѣти прекрасно понимаютъ. «Здравствуй, говорю, Бобикъ. Здравствуй, милый!» Онъ взглянулъ на меня какъ-то особенно. Вы думаете, во мнѣ говоритъ только мать, но нѣтъ, нѣтъ, увѣряю васъ! Это необыкновенный ребенокъ.

Соленый.—Если бы этотъ ребенокъ былъ мой, то я изжарилъ бы его на сковородкѣ и съѣлъ бы. *(идетъ со стаканомъ въ истинную и садится въ уполъ.)*

Наташа *(закрывъ лицо руками)*.—Грубый, невоспитанный человекъ!

Маша.—Счастливъ тотъ, кто не замѣчаетъ,

лѣто теперъ или зима. Мнѣ кажется, если бы я была въ Москвѣ, то относилась бы равнодушно къ погодѣ...

Вершининъ. — На-дняхъ я читалъ дневникъ одного французскаго министра, писанный въ тюрьмѣ. Министръ былъ осужденъ за Панаму. Съ какимъ упоеніемъ, восторгомъ упоминаетъ онъ о птицахъ, которыхъ видитъ въ тюремномъ окнѣ и которыхъ не замѣчалъ раньше, когда былъ министромъ. Теперъ, конечно, когда онъ выпущенъ на свободу, онъ уже попржнему не замѣчаетъ птицъ. Также и вы не будете замѣчать Москвы, когда будете жить въ ней. Счастья у насъ нѣтъ и не бываетъ, мы только желаемъ его.

Тузенбахъ (*беретъ со стола коробку*).—Гдѣ же конфеты?

Ирина.—Соленый сѣблъ.

Тузенбахъ.—Всѣ?

Анѣиса (*подавая чай*).—Вамъ письмо, батюшка.

Вершининъ.—Мнѣ? (*беретъ письмо*) Отъ дочери. (*читаетъ*) Да, конечно... Я, извините, Марія Сергѣевна, уйду потихоньку. Чаю не буду пить. (*встаетъ взволнованный*) Вѣчно эти исторіи...

Маша.—Что такое? Не секретъ?

Вершининъ (*тихо*).—Жена опять отравилась. Надо идти. Я пройду незамѣтно. Ужасно неприятно все это. (*цѣлуетъ Машинъ руки*) Милая

моя, славная, хорошая женщина... Я здѣсь пройду потихоньку... *(уходитъ)*

Анѣиса.—Куда же онъ? А я чай подавала.. Экой какой.

Маша *(разсердившись)*.—Отстань! Пристаешь тутъ, покоя отъ тебя нѣтъ... *(идетъ съ чашкой къ столу)* Надоѣла ты мнѣ, старая!

Анѣиса.—Что-жъ ты обижаешься? Милая!

Голосъ Андрея.—Анѣиса!

Анѣиса *(дразнитъ)*.—Анѣиса! Сидитъ тамъ... *(уходитъ)*

Маша *(въ замъ у стола сердито)*.—Дайте же мнѣ сѣсть! *(мѣшаетъ на столѣ карты)* Разсѣлись тутъ съ картами. Пейте чай!

Ирина.—Ты, Машка, злая.

Маша.—Разъ я злая, не говорите со мной. Не трогайте меня!

Чебутыкинъ *(смѣясь)*.—Не трогайте ея, не трогайте...

Маша.—Вамъ шестьдесятъ лѣтъ, а вы, какъ мальчишка, всегда городите чортъ знаетъ что.

Наташа *(вздыхаетъ)*.—Милая Маша, къ чему употреблять въ разговорѣ такія выраженія? При твоей прекрасной наружности въ приличномъ свѣтскомъ обществѣ ты, я тебѣ прямо скажу, была бы просто очаровательна, если бы не эти твои слова. Je vous prie, pardonnez moi, Marie, mais vous avez des manières un peu grossieres.

Тузенбахъ (*сдерживая смѣхъ*).— Дайте мнѣ... дайте мнѣ... Тамъ, кажется, коньякъ...

Наташа.— Il paraet, que mon Бобикъ déjà ne dort pas, проснулся. Онъ у меня сегодня нездоровъ. Я пойду къ нему, простите... (*уходитъ*).

Ирина.— А куда ушелъ Александръ Игнатьичъ?

Маша.— Домой. У него опять съ женой что-то необычайное.

Тузенбахъ (*идетъ къ Соленому, въ рукахъ графинчикъ съ коньякомъ*).— Все вы сидите одинъ, о чемъ-то думаете—и не поймешь о чемъ. Ну, давайте мириться. Давайте выпьемъ коньяку. (*пьютъ*) Сегодня мнѣ придется играть на пианино всю ночь, вѣроятно, играть всякій вздоръ... Куда ни шло!

Соленый.— Почему мириться? Я съ вами не ссорился.

Тузенбахъ.— Всегда вы возбуждаете такое чувство, какъ будто между нами что-то произошло. У васъ характеръ странный, надо сознаться.

Соленый (*декламируя*).— Я странень, не странень кто-жъ! Не сердись, Алеко!

Тузенбахъ.— И при чемъ тутъ Алеко...

Соленый.— Когда я вдвоемъ съ кѣмъ-нибудь, то ничего, я какъ всѣ, но въ обществѣ я уныль, застѣнчивъ и... говорю всякій вздоръ. Но все-

таки я честнѣе и благороднѣе очень, очень многихъ. И могу это доказать.

Тузенбахъ.—Я часто сержусь на васъ, вы постоянно придираетесь ко мнѣ, когда мы бываемъ въ обществѣ, но все же вы мнѣ симпатичны почему-то. Куда ни шло, напьюсь сегодня. Выпьемъ!

Соленый.—Выпьемъ. (*пьютъ*) Я противъ васъ, баронъ, никогда ничего не имѣлъ. Но у меня характеръ Лермонтова. (*тихо*) Я даже немножко похожъ на Лермонтова... какъ говорятъ...

Тузенбахъ.—Подаю въ отставку. Баста! Пять лѣтъ все раздумывалъ и, наконецъ, рѣшилъ. Буду работать.

Соленый (*декламируя*).—Не сердись, Алеко... Забудь, забудь мечтанія свои... (*пока они говорятъ, Андрей входитъ съ книгой тихо и садится у свѣчи*).

Тузенбахъ.—Буду работать.

Чебутыкинъ (*идя въ гостиную съ Ириной*).—И угощеніе было тоже настоящее кавказское: супъ съ лукомъ, а на жаркое—чехартма, мясное.

Соленый.—Черемша вовсе не мясо, а растеніе въ родѣ нашего лука.

Чебутыкинъ.—Нѣтъ-съ, ангель мой. Чехартма не лукъ, а жаркое изъ баранины.

Соленый.—А я вамъ говорю, черемша—лукъ.

Чебутыкинъ.—А я вамъ говорю, чехартма—баранина.

Соленый.—А я вамъ говорю, черемша—лукъ.

Чебутыкинъ.—Что же я буду съ вами спорить. Вы никогда не были на Кавказѣ и не ѣли чехартмы.

Соленый.—Не ѣлъ, потому что терпѣть не могу. Отъ черемши такой же запахъ, какъ отъ чеснока.

Андрей (*умоляюще*). — Довольно, господа! Прошу васъ!

Тузенбахъ.—Когда придутъ ряженые?

Ирина.—Обѣщали къ девяти; значитъ, сейчасъ

Тузенбахъ (*обнимаетъ Андрея*). — Ахъ вы сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои...

Андрей (*пляшетъ и поетъ*).—Сѣни новыя, кле-
новыя...

Чебутыкинъ (*пляшетъ*).—Рѣшетчаты-я! (*смѣхъ*)

Тузенбахъ (*цѣлуетъ Андрея*).—Чортъ возьми, давайте выпьемъ. Андрюша, давайте выпьемъ на ты. И я съ тобой, Андрюша, въ университетъ.

Соленый.—Въ какой? Въ Москвѣ два университета.

Андрей.—Въ Москвѣ одинъ университетъ.

Соленый.—А я вамъ говорю—два.

Андрей.—Пускай хоть три. Тѣмъ лучше.

Соленый.—Въ Москвѣ два университета! (*фопотъ и шиканье*) Въ Москвѣ два университета: старый и новый. А если вамъ неуютно слушать, если мои слова раздражаютъ васъ, то я

могу не говорить. Я даже могу уйти въ другую комнату... *(уходитъ въ одну изъ дверей)*

Тузенбахъ. — Браво, браво! *(смѣется)* Господа, начинайте, я сажусь играть! Смѣшной этотъ Соленый... *(садится за пианино, играетъ вальсъ)*

Маша *(танцуетъ вальсъ одна)*. — Баронъ пьянъ, баронъ пьянъ, баронъ пьянъ!

Входитъ Наташа.

Наташа *(Чебутыкину)*. — Иванъ Романыч! *(говоритъ о чемъ-то Чебутыкину, потомъ тихо уходитъ. Чебутыкинъ трогаетъ Тузенбаха за плечо и шепчетъ ему о чемъ-то)*.

Ирина. — Что такое?

Чебутыкинъ. — Намъ пора уходить. Будьте здоровы.

Тузенбахъ. — Спокойной ночи. Пора уходить.

Ирина. — Позвольте... А ряженые?..

Андрей *(сконфуженный)*. — Ряженныхъ не будетъ. Видишь ли, моя милая, Наташа говоритъ, что Бобикъ не совсѣмъ здоровъ, и потому... Однимъ словомъ, я не знаю мнѣ рѣшительно все равно.

Ирина *(пожимая плечами)*. — Бобикъ нездоровъ!

Маша. — Гдѣ наша не пропадала! Гонять, стало быть, надо уходить. *(Иринѣ)* Не Бобикъ боленъ, а она сама... Вотъ! *(стучитъ пальцемъ по лбу)* Мъщанка!

(Андрей уходитъ въ правую дверь къ себѣ, Чебу- тыкинъ идетъ за нимъ; въ залъ прощаются.)

Федотикъ.—Какая жалость! Я рассчитывалъ провести вечерокъ, но если болѣнъ ребенокъ, то, конечно... Я завтра принесу ему игрушекъ...

Родэ *(иромко)*.—Я сегодня нарочно выпался послѣ обѣда, думалъ, что всю ночь буду тан- цовать... Вѣдь теперь только девять часовъ!

Маша.—Выйдемъ на улицу; тамъ потолкуемъ. Рѣшимъ, что и какъ.

(Слышно: «Прощайте! Будьте здоровы!»! Слышенъ веселый смѣхъ Тузенбаха. Вспь уходятъ. Анюиса и горничная убираютъ со стола, тушатъ огни. Слышно, какъ поетъ нянька. Андрей въ пальто и шляпъ и Чебутыкинъ тихо входятъ).

Чебутыкинъ.—Жениться я не успѣлъ, потому что жизнь промелькнула какъ молнія, да и потому что безумно любилъ твою матушку, которая была замужемъ...

Андрей.—Жениться не нужно. Не нужно, потому что скучно.

Чебутыкинъ.—Такъ-то оно такъ, да одиноче- ство. Какъ тамъ ни философствуй, а одино- чество страшная штука, голубчикъ мой... Впро- чемъ, все равно!

Андрей.—Пойдемте скорѣй.

Чебутыкинъ.—Что же спѣшить? Успѣемъ.

Андрей.—Я боюсь, жена бы не остановила.

Чебутыкинъ.—А!

Андрей.—Сегодня я играть не стану, только такъ посижу. Нездоровится... Что мнѣ дѣлать, Иванъ Романычъ, отъ одышки?

Чебутыкинъ.—Что спрашивать! Не помню, голубчикъ... Не знаю...

Андрей.—Пройдемъ кухней. (*уходятъ*).

Звонокъ, потомъ опять звонокъ; слышны голоса, смѣхъ.

Ирина (*входитъ*).—Что тамъ?

Анеиса (*шопотомъ*).—Ряженые! (*звонокъ*).

Ирина.—Скажи, нянечка, дома нѣтъ никого. Пусть извинятъ.

Анеиса уходитъ. Ирина въ раздумьѣ ходитъ по комнатѣ; она взволнована. Входитъ Соленый.

Соленый (*въ недоумѣннѣ*).—Никого нѣтъ... А гдѣ же всѣ?

Ирина.—Ушли домой.

Соленый.—Странно. Вы однѣ тутъ?

Ирина.—Одна. (*пауза*) Прощайте.

Соленый.—Давеча я велъ себя недостаточно сдержанно, не тактично. Но вы не такая, какъ всѣ, вы высоки и чисты, вамъ видна правда... Только вы одна можете понять меня. Я люблю, глубоко, безконечно люблю...

Ирина.—Прощайте! Уходите.

Соленый.—Я не могу жить безъ васъ. (*идя за ней*) О, мое блаженство! (*сквозь слезы*) О, счастье! Роскошные, чудные, изумительные глаза, какихъ я не видѣлъ ни у одной женщины...

Ирина (*холодно*). — Перестаньте, Василий Васильичъ!

Соленый. — Первый разъ я говорю о любви къ вамъ, и точно я не на землѣ, а на другой планетѣ. (*третъ себѣ лобъ*). Ну, да все равно. Насильно милъ не будешь, конечно... Но счастливыхъ соперниковъ у меня не должно быть... Не должно... Клянусь вамъ всѣмъ святымъ, соперника я убью... О, чудная!

Наташа проходитъ со свѣчей.

Наташа (*заглядываетъ въ одну дверь, въ другую и проходитъ мимо двери, ведущей въ комнату мужа*). Тутъ Андрей. Пусть читаетъ. Вы простите, Василий Васильичъ, я не знала, что вы здѣсь, я по-домашнему...

Соленый. — Мнѣ все равно. Прощайте! (*уходитъ*).

Наташа. — А ты устала, милая, бѣдная моя дѣвочка! (*цѣлуетъ Ирину*) Ложилась бы спать пораньше.

Ирина. — Бобикъ спить?

Наташа. — Спить. Но не спокойно спить. Кстати, милая, я хотѣла тебѣ сказать, да все то тебя нѣтъ, то мнѣ некогда... Бобику въ теперешней дѣтской, мнѣ кажется, холодно и сыро. А твоя комната такая хорошая для ребенка. Милая, родная, переберись пока къ Ольгѣ!

Ирина (*не понимая*). — Куда?

Слышно, къ дому подъѣзжаетъ тройка съ бубенчиками

Наташа.—Ты съ Олей будешь въ одной комнатѣ, пока что, а твою комнату Бобикѣ. Онъ такой милашка, сегодня я говорю ему: «Бобикъ, ты мой! Мой!» А онъ на меня смотритъ своими глазеночками. *(звонокъ)* Должно быть, Ольга. Какъ она поздно!

Горничная подходитъ къ Наташѣ и шепчетъ ей на ухо.

Наташа.—Протопоповъ? Какой чудакъ. Приѣхалъ Протопоповъ, зоветъ меня покататься съ нимъ на тройкѣ. *(смѣется)* Какіе странные эти мужчины... *(звонокъ)* Кто-то тамъ пришелъ. Поѣхать развѣ на четверть часика прокатиться... *(горничной)* Скажи, сейчасъ. *(звонокъ)* Видите... тамъ Ольга, должно быть. *(уходитъ).*

Горничная убываетъ; Ирина сидитъ задумавшись; входятъ Кулыгинъ, Ольга, за ними Вершининъ.

Кулыгинъ.—Вотъ тебѣ и разъ. А говорили, что у нихъ будетъ вечеръ.

Вершининъ.—Странно, я ушелъ недавно, полчаса назадъ, и ждали ряженныхъ...

Ирина.—Всѣ ушли.

Кулыгинъ.—И Маша ушла? Куда она ушла? А зачѣмъ Протопоповъ внизу ждетъ на тройкѣ? Кого онъ ждетъ?

Ирина.—Не задавайте вопросовъ... Я устала.

Кулыгинъ.—Ну, капризница...

Ольга.—Совѣтъ только что кончился. Я за-

мучилась. Наша начальница больна, теперь я вмѣсто нея. Голова, голова болитъ, голова... (*садится*). Андрей проигралъ вчера въ карты двѣсти рублей... Весь городъ говоритъ объ этомъ...

Кулыгинъ.— Да, и я усталъ на совѣтѣ. (*садится*).

Вершининъ.— Жена моя сейчасъ вздумала попугать меня, едва не отравилась. Все обошлось и я радъ, отдыхаю теперь... Стало быть, надо уходить? Что-жъ, позвольте пожелать всего хорошаго. Ѳедоръ Ильичъ, поѣдьте со мной куда-нибудь! Я дома не могу оставаться, совсемъ не могу... Поѣдьте!

Кулыгинъ.— Усталъ. Не поѣду. (*встаетъ*)
Усталъ. Жена домой пошла?

Ирина. Должно быть.

Кулыгинъ (*цѣлуетъ Ирину руку*). — Прощай. Завтра и послѣзавтра цѣлый день отдыхать. Всего хорошаго! (*идетъ*) Чаю очень хочется. Разсчитывалъ провести вечеръ въ пріятномъ обществѣ и—о, fallacem hominum sperem!.. Винительный падежъ при восклицаніи...

Вершининъ.— Значить, одинъ поѣду. (*уходитъ съ Кулыгинымъ, посвистывая*).

Ольга.— Голова болитъ, голова... Андрей проигралъ... весь городъ говоритъ... Пойду лягу. (*идетъ*) Завтра я свободна... О, Боже мой, какъ это пріятно! Завтра свободна, послѣзавтра свободна... Голова болитъ, голова... (*уходитъ*).

Ирина (одна).—Всѣ ушли. Никого нѣтъ.

На улицѣ гармоника, нянька поетъ тѣсню.

Наташа (въ шубѣ и шапкѣ идетъ черезъ залу; за ней горничная).—Черезъ полчаса я буду дома. Только проѣдусь немножко. (уходитъ).

Ирина (оставшись одна, тоскуетъ).—Въ Москву! Въ Москву! Въ Москву!

З а н а в ѣ с ь.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната Ольги и Ирины. Нальво и направо постели, замороженныя ширмами. Третій часъ ночи. За сценой бьютъ въ набатъ по случаю пожара, продолжающагося уже давно. Видно, что въ домъ еще не ложились спать. На диванѣ лежитъ Маша, одѣтая, какъ обыкновенно, въ черное платье.

Входятъ Ольга и Анеиса.

Анеиса.—Сидятъ теперь внизу подъ лѣстницей... Я говорю—«пожалуйте наверхъ, нешто, говорю, можно такъ»,—плачутъ. «Папаша, говорятъ, не знаемъ гдѣ. Не дай Богъ, говорятъ, сгорѣлъ». Выдумали! И на дворѣ какія-то... тоже раздѣтыя.

Ольга (вынимаетъ изъ шкапа платье). Вотъ это сѣренькое возьми... И вотъ это... Кофточку тоже... И эту юбку бери, нянечка... Что же это такое, Боже мой! Кирсановскій переулокъ весь сгорѣлъ, очевидно... Это возьми... Это возьми... (кидаетъ ей на руки платье). Вершинины бѣд-

ные напугались... Ихъ домъ едва не сгорѣлъ. Пусть у насъ переночуютъ... домой ихъ нельзя пускать... У бѣднаго Федотика все сгорѣло, ничего не осталось...

Анеиса.—Ферапонта позвала бы, Олюшка, а то не донесу...

Ольга (*звонитъ*).—Не дозвонишься... (*въ дверь*) Подите сюда, кто тамъ есть! (*въ открытую дверь видно окно, красное отъ зарева; слышно, какъ мимо дома прозжаетъ пожарная команда*) Какой это ужасъ. И какъ надоѣло!

Входитъ Ферапонтъ.

Ольга.—Вотъ возьми снеси внизъ... Тамъ подъ лѣстницей стоятъ барышни Колотилины... отдай имъ... И это отдай...

Ферапонтъ.—Слушаю. Въ двѣнадцатомъ году Москва тоже горѣла... Господи ты Боже мой! Французы удивлялись.

Ольга.—Иди, ступай...

Ферапонтъ.—Слушаю. (*уходитъ*).

Ольга.—Нянечка, милая, все отдавай. Ничего намъ не надо, все отдавай, нянечка... Я устала, едва на ногахъ стою... Вершининыхъ нельзя отпускать домой... Дѣвочки лягутъ въ гостиной, а Александра Игнатьича внизъ къ барону... Федотика тоже къ барону, или пусть у насъ въ залѣ... Докторъ, какъ нарочно, пьянъ, ужасно пьянъ, и къ нему никого нельзя. И жену Вершинина тоже въ гостиной.

Анѣиса. — Олюшка милая, не гони ты меня! Не гони!

Ольга.—Глупости ты говоришь, няня. Никто тебя не гонить.

Анѣиса (*кладетъ ей голову на грудь*). — Родная моя, золотая моя, я тружусь, я работаю... Слаба стану, всѣ скажутъ: пошла! А куда я пойду? Куда? Восемьдесятъ лѣтъ. Восемьдесятъ второй годъ...

Ольга.—Ты посиди, нянечка... Устала ты, бѣдная... (*усаживаетъ ее*) Отдохни, моя хорошая. Поблѣднѣла какъ!

Наташа входитъ.

Наташа. — Тамъ, говорятъ, поскорѣе нужно составить общество для помощи погорѣльцамъ. Что-жъ? Прекрасная мысль. Вообще нужно поскорѣе помогать бѣднымъ людямъ, это обязанность богатыхъ. Бобикъ и Софочка спятъ себѣ, спятъ какъ ни въ чемъ не бывало. У насъ такъ много народу вездѣ, куда ни пойдешь, полонъ домъ. Теперь въ городѣ инфлюэнца, боюсь какъ бы не захватили дѣти.

Ольга (*не слушая ея*). — Въ этой комнатѣ не видно пожара, тутъ покойно...

Наташа.—Да... Я, должно быть, растрепанная. (*передъ зеркаломъ*). Говорятъ, я пополнѣла... и не правда! Ничуть! А Маша спитъ, утомилась, бѣдная... (*Анѣисъ холодно*) При мнѣ не смѣй сидѣть! Встань! Ступай отсюда! (*Анѣиса уходитъ;*

пауза) И зачѣмъ ты держишь эту старуху, не понимаю!

Ольга (*оторопѣвъ*).—Извини, я тоже не понимаю...

Наташа.—Ни къ чему она тутъ. Она крестьянка, должна въ деревнѣ жить... Что за баловство! Я люблю въ домѣ порядокъ! Лишнихъ не должно быть въ домѣ. (*кладетъ ее по щекъ*.) Ты, бѣдняжка, устала! Устала наша начальница! А когда моя Софочка вырастетъ и поступитъ въ гимназію, я буду тебя бояться.

Ольга.—Не буду я начальницей.

Наташа.—Тебя выберутъ, Олечка. Это рѣшено.

Ольга.—Я откажусь. Не могу... Это мнѣ не по силамъ... (*пьетъ воду*) Ты сейчасъ такъ грубо обошлась съ няней... Прости, я не въ состояніи переносить... въ глазахъ потемнѣло...

Наташа (*взволнованно*).—Прости, Оля, прости... Я не хотѣла тебя огорчать.

Машина встаетъ, беретъ подушку и уходитъ, сердитая.

Ольга.—Пойми, милая, мы воспитаны, быть можетъ, странно, но я не переношу этого. Подобное отношеніе угнетаетъ меня, я заболѣваю... я просто падаю духомъ...

Наташа.—Прости, прости... (*цѣлуетъ ее*)

Ольга.—Всякая, даже малѣйшая грубость, не деликатно сказанное слово волнуетъ меня...

Наташа.—Я часто говорю лишнее, это правда,

но согласись, моя милая, она могла бы жить въ деревнѣ.

Ольга.—Она уже тридцать лѣтъ у насъ.

Наташа.—Но вѣдь теперь она не можетъ работать! Или я не понимаю, или же ты не хочешь меня понять. Она не способна къ труду, она только спитъ или сидитъ.

Ольга.—И пускай сидитъ.

Наташа (*удивленно*).—Какъ пускай сидитъ? Но вѣдь она же прислуга. (*сквозь слезы*) Я тебя не понимаю, Оля. У меня нянька есть, кормилица есть, у насъ горничная, кухарка... для чего же намъ вотъ эта старуха? Для чего?

За сценой бьютъ въ набатъ.

Ольга.—Въ эту ночь я постарѣла на десять лѣтъ.

Наташа.—Намъ нужно уговориться, Оля. Ты въ гимназiи, я—дома, у тебя ученье, у меня—хозяйство. И если я говорю что насчетъ прислуги, то знаю, что говорю; я знаю, что говорю... И чтобъ завтра же не было здѣсь этой старой воровки, старой хрычевки... (*стукаетъ ногами*) этой вѣдьмы!... Не смѣть меня раздражать! Не смѣть! (*спохватившись*) Право, если ты не переберешься внизъ, то мы всегда будемъ ссориться. Это ужасно.

Входитъ Кулыгинъ.

Кулыгинъ.—Гдѣ Маша? Пора бы уже домой. Пожаръ, говорятъ, стихаетъ. (*потягивается*)

Сгорѣлъ только одинъ кварталъ, а вѣдь былъ вѣтеръ, вначалѣ казалось, что горитъ весь городъ. *(садится)* Утомился. Олечка моя милая... Я часто думаю: если бы не Маша, то я на тебѣ бы женился, Олечка. Ты очень хорошая... Замучился. *(прислушивается)*.

Ольга.—Что?

Кулыгинъ.—Какъ нарочно, у доктора запой, пьянъ онъ ужасно. Какъ нарочно. *(встаетъ)* Вотъ онъ идетъ сюда, кажется... Слышите? Да, сюда... *(смѣется)* Экій какой, право... Я спрячусь. *(идетъ къ шкапу и становится въ углу)* Этакій разбойникъ.

Ольга.—Два года не пилъ, а тутъ вдругъ взялъ и напился... *(уходитъ съ Наташей въ лубину комнаты.)*

Чебутыкинъ входитъ; не шатаясь, какъ трезвый, проходитъ по комнатамъ, останавливается, смотритъ, потомъ подходитъ къ рукомойнику и начинаетъ мыть руки.

Чебутыкинъ *(уфрюмо)*.—Чортъ бы всѣхъ побралъ... подралъ... Думаютъ, что я докторъ, умѣю лѣчить всякія болѣзни, а я не знаю рѣшительно ничего, все позабылъ, что зналъ, ничего не помню, рѣшительно ничего. *(Ольга и Наташа, незамѣтно для него, уходятъ)* Чортъ бы побралъ. Въ прошлую среду лѣчилъ на Засыпи женщину—умерла, и я виноватъ, что она умерла. Да... Кое-что я зналъ лѣтъ двад-

цать пять назадъ, а теперь ничего не помню. Ничего. Можетъ быть, я и не человѣкъ, а только вотъ дѣлаю видъ, что у меня и руки, и ноги, и голова; можетъ-быть, я и не существую вовсе, а только кажется мнѣ, что я хожу, ѣмъ, сплю. *(плачетъ)* О, если бы не существовать! *(перестаетъ плакать, урюмо)* Все равно! Рѣшительно все равно! *(пауза)* Чортъ знаетъ... Третьяго дня разговоръ въ клубѣ; говорятъ, Шекспиръ, Вольтеръ... Я не читалъ, совсѣмъ не читалъ, а на лицѣ своемъ показалъ, будто читалъ. И другіе тоже, какъ я. Пошлость! Низость! И та женщина, что уморилъ въ среду, вспомнилась... и все вспомнилось и стало на душѣ криво, гадко, мерзко... пошелъ, запилъ... *Ирина, Вершининъ и Тузенбахъ входятъ; на Тузенбахъ штатское платье, новое и модное.*

Ирина.—Здѣсь посидимъ. Сюда никто не войдетъ.

Вершининъ.—Если бы не солдаты, то сгорѣлъ бы весь городъ. Молодцы! *(потираетъ отъ удовольствія руки)* Золотой народъ! Ахъ, что за молодцы!

Кулыгинъ *(подходя къ нимъ).*—Который часъ, господа?

Тузенбахъ.—Уже четвертый часъ. Свѣтаетъ.

Ирина.—Всѣ сидятъ въ залѣ, никто не уходитъ. И вашъ этотъ Соленый сидитъ... *(Чебу-тыкину).* Вы бы, докторъ, шли спать.

Чебутыкинъ.—Ничего-съ... Благодарю-съ. (*причесываетъ бороду*).

Кулыгинъ (*смѣется*).—Назюзюкался, Иванъ Романычъ! (*хлопаетъ по плечу*) Молодецъ! In vino veritas, говорили древніе.

Тузенбахъ.—Меня все просятъ устроить концертъ въ пользу погорѣльцевъ.

Ирина.—Ну, кто тамъ...

Тузенбахъ.—Можно бы устроить, если захотѣть. Марья Сергѣевна, по-моему, играетъ на рояли чудесно.

Кулыгинъ.—Чудесно играетъ!

Ирина.—Она уже забыла. Три года не играла... или четыре.

Тузенбахъ.—Здѣсь въ городѣ рѣшительно никто не понимаетъ музыки, ни одна душа, но я, я понимаю и честнымъ словомъ увѣряю васъ, что Марія Сергѣевна играетъ великолепно, почти талантливо.

Кулыгинъ.—Вы правы, баронъ. Я ее очень люблю, Машу. Она славная.

Тузенбахъ.—Умѣть играть такъ роскошно и въ то же время сознавать, что тебя никто, никто не понимаетъ!

Кулыгинъ (*вздыхаетъ*).—Да... Но прилично ли ей участвовать въ концертѣ? (*пауза*) Я вѣдь, господа, ничего не знаю. Можетъ-быть, это и хорошо будетъ. Долженъ признаться, нашъ директоръ хорошій человѣкъ, даже очень хо-

рошій, умнѣйшій, но у него такіе взгляды... Конечно, не его дѣло, но все-таки, если хотите, то я, пожалуй, поговорю съ нимъ.

Чебутыкинъ (*беретъ въ руки фарфоровыя часы и разсматриваетъ ихъ*).

Вершининъ.—На пожарѣ я загрязнился весь, ни на что не похожъ. (*пауза*) Вчера я мелькомъ слышалъ, будто нашу бригаду хотятъ перевести куда-то далеко. Одни говорятъ въ Царство Польское, другіе—будто въ Читу.

Тузенбахъ.—Я тоже слышалъ. Что-жъ? Городъ тогда совсѣмъ опустѣетъ.

Ирина.—И мы уѣдемъ!

Чебутыкинъ (*роняетъ часы, которыя разбиваются*).—Вдребезги!

Кулыгинъ (*подбирая осколки*).—Разбить такую дорогую вещь,—ахъ, Иванъ Романычъ, Иванъ Романычъ! Ноль съ минусомъ вамъ за поведеніе!

Ирина.—Это часы покойной мамы.

Чебутыкинъ.—Можетъ-быть... Мамы, такъ мамы. Можетъ, я не разбивалъ, а только кажется, что разбилъ. Можетъ быть, намъ только кажется, что мы существуемъ, а на самомъ дѣлѣ насъ нѣтъ. Ничего я не знаю, никто ничего не знаетъ. (*у двери*) Что смотрите? У Наташи романчикъ съ Протопоповымъ, а вы не видите... Вы вотъ сидите тутъ и ничего не видите, а у Наташи романчикъ съ Прото-

поповымъ... (*поетъ*) Не угодно ль этотъ феникъ вамъ принять... (*уходитъ*.)

Вершининъ.— Да... (*смѣется*.) Какъ все это въ сущности странно! (*пауза*) Когда начался пожаръ, я побѣжалъ скорѣй домой; подхожу, смотрю—домъ нашъ цѣлъ и невредимъ и внѣ опасности, но мои двѣ дѣвочки стоятъ у порога въ одномъ бѣльѣ, матери нѣтъ, суетится народъ, бѣгають лошади, собаки, и у дѣвочекъ на лицахъ тревога, ужасъ, мольба, не знаю что; сердце у меня сжалось, когда я увидѣлъ эти лица. Боже мой, думаю, что придется пережить еще этимъ дѣвочкамъ въ теченіе долгой жизни! Я хватаю ихъ, бѣгу и все думаю одно: что имъ придется пережить еще на этомъ свѣтѣ! (*пауза*) Прихожу сюда, а мать здѣсь, кричитъ, сердится.

Маша входитъ съ подушкой и садится на оиванъ.

Вершининъ.— И когда мои дѣвочки стояли у порога въ одномъ бѣльѣ, и улица была красной отъ огня, былъ страшный шумъ, то я подумалъ, что нѣчто похожее происходило много лѣтъ назадъ, когда набѣгалъ неожиданно врагъ, грабилъ, зажигалъ... Между тѣмъ, въ сущности, какая разница между тѣмъ, что есть и что было! А пройдетъ еще немного времени, какихъ-нибудь двѣсти-триста лѣтъ, и на нашу теперешнюю жизнь такъ же будутъ смотрѣть и со страхомъ, и съ насмѣшкой, все

нынѣшнее будетъ казаться и угловатымъ, и тяжелымъ, и очень неудобнымъ, и страннымъ. О, навѣрное, какая это будетъ жизнь, какая жизнь! (*смѣется*) Простите, я опять зафилософствовался. Позвольте продолжать, господа. Мнѣ ужасно хочется философствовать, такое у меня теперь настроеніе (*пауза*) Точно спятъ всѣ. Такъ я говорю: какая это будетъ жизнь! Вы можете себѣ только представить... Вотъ такихъ, какъ вы, въ городѣ теперь только три, но въ слѣдующихъ поколѣніяхъ будетъ больше, все больше и больше, и придетъ время, когда все измѣнится по-вашему, жить будутъ по-вашему, а потомъ и вы устарѣете, народаются люди, которые будутъ лучше васъ... (*смѣется*) Сегодня у меня какое-то особенное настроеніе. Хочется жить чертовски... (*поетъ*) Любви всѣ возрасты покорны, ея порывы благотворны... (*смѣется*.)

Маша.—Трамъ-тамъ-тамъ...

Вершининъ.—Тамъ-тамъ...

Маша.—Тра-ра-ра?

Вершининъ.—Тра-та-та. (*смѣется*.)

Входитъ Федотикъ.

Федотикъ (*танцуетъ*).—Погорѣлъ, погорѣлъ! Весь дочиста! (*смѣхъ*.)

Ирина.—Что жъ за шутки. Все сгорѣло?

Федотикъ (*смѣется*).—Все дочиста. Ничего не осталось. И гитара сгорѣла, и фотографія сго-

рѣла, и всѣ мои письма... И хотѣлъ подарить вамъ записную книжечку—тоже сгорѣла.

Входитъ Соленый.

Ирина.—Нѣтъ, пожалуйста, уходите, Василій Васильичъ. Сюда нельзя.

Соленый.—Почему же это барону можно, а мнѣ нельзя?

Вершининъ.—Надо уходить, въ самомъ дѣлѣ. Какъ пожаръ?

Соленый.—Говорятъ, стихаетъ. Нѣтъ, мнѣ положительно странно, почему это барону можно, а мнѣ нельзя? (*вынимаетъ флаконъ съ духами и прыскается*).

Вершининъ.—Трамъ-тамъ-тамъ.

Маша.—Трамъ-тамъ.

Вершининъ (*смѣется, Соленому*).—Пойдемте въ залу.

Соленый.—Хорошо-съ, такъ и запишемъ. Мысль эту можно бѣ болѣе пояснить, да боюсь, какъ бы гусей не раздразнить... (*глядя на Тузенбаха*) Ципъ, ципъ, ципъ... (*уходитъ съ Вершининымъ и Федотикомъ*).

Ирина.—Какъ накурилъ этотъ Соленый... (*въ недоумѣннн*) Баронъ спитъ! Баронъ! Баронъ!

Тузенбахъ (*очнувшись*).—Усталъ я, однако... Кирпичный заводъ... Это я не брежу, а въ самомъ дѣлѣ, скоро поѣду на кирпичный заводъ, и работать... Уже былъ разговоръ. (*Иринѣ нлжно*) Вы такая блѣдная, прекрасная,

обаятельная... Мнѣ кажется, ваша блѣдность проясняетъ темный воздухъ, какъ свѣтъ... Вы печальны, вы недовольны жизнью... О, поѣдьте со мной, поѣдьте работать вмѣстѣ!

Маша.—Николай Львовичъ, уходите отсюда.

Тузенбахъ (*смѣясь*).—Вы здѣсь? Я не вижу... (*цѣлуетъ Ирину руку*). Прощайте, я пойду... Я гляжу на васъ теперь и вспоминается мнѣ, какъ когда-то давно, въ день вашихъ именинъ, вы,—бодрая, веселая,—говорили о радостяхъ труда... И какая мнѣ тогда мерещилась счастливая жизнь! Гдѣ она? (*цѣлуетъ руку*) У васъ слезы на глазахъ. Ложитесь спать, ужъ свѣтаетъ... начинается утро... Если бы мнѣ было позволено отдать за васъ жизнь свою!

Маша.—Николай Львовичъ, уходите! Ну, что право...

Тузенбахъ.—Ухожу... (*уходитъ*).

Маша (*ложась*).—Ты спишь, Федоръ?

Кулыгинъ.—А?

Маша.—Шель бы домой.

Кулыгинъ.—Милая моя Маша, дорогая моя Маша...

Ирина.—Она утомилась... Далъ бы ей отдохнуть, Федя.

Кулыгинъ.—Сейчасъ уйду... Жена моя хорошая, славная... Люблю тебя мою единственную..

Маша (*сердито*).—Амо, amas, amat, amamus, amatis, amant.

Кулыгинъ (*смѣется*).—Нѣтъ, право, она удивительная. Женатъ я на тебѣ семь лѣтъ, а кажется, что вѣнчались только вчера. Честное слово. Нѣтъ, право, ты удивительная женщина. Я доволенъ, я доволенъ, я доволенъ!

Маша.—Надоѣло, надоѣло, надоѣло... (*встаетъ и говоритъ сидя*). И вотъ не выходитъ у меня изъ головы... Просто возмутительно. Сидитъ гвоздемъ въ головѣ, не могу молчать. Я про Андрея... Заложилъ онъ этотъ домъ въ банкъ и всѣ деньги забрала его жена, а вѣдь домъ принадлежитъ не ему одному, а намъ четверымъ! Онъ долженъ это знать, если онъ порядочный человекъ.

Кулыгинъ.—Охота тебѣ, Маша! На что тебѣ? Андрюша кругомъ долженъ, ну, и Богъ съ нимъ.

Маша.—Это во всякомъ случаѣ возмутительно. (*ложится*).

Кулыгинъ.—Мы съ тобой не бѣдны. Я работаю, хожу въ гимназію, потомъ уроки даю... Я честный человекъ... Простой... Omnia mea pesum porto, какъ говорится.

Маша.—Мнѣ ничего не нужно, но меня возмущаетъ несправедливость. (*пауза*) Ступай, Федоръ.

Кулыгинъ (*цѣлуетъ ее*).—Ты устала, отдохни съ полчасика, а я тамъ посижу, подожду...

Спи... (*идетъ*). Я доволенъ, я доволенъ, я доволенъ. (*уходитъ*).

Ирина.—Въ самомъ дѣлѣ, какъ измелъчалъ нашъ Андрей, какъ онъ выдохся и постарѣлъ около этой женщины! Когда-то готовился въ профессора, а вчера хвалился, что попалъ наконецъ въ члены земскоѣ управы. Онъ членъ управы, а Протопоповъ предсѣдатель... Весь городъ говоритъ, смѣется, и только онъ одинъ ничего не знаетъ и не видитъ... И вотъ всѣ побѣжали на пожаръ, а онъ сидитъ у себя въ комнатѣ и никакого вниманія. Только на скрипкѣ играетъ. (*нервно*) О, ужасно, ужасно, ужасно! (*плачетъ*) Я не могу, не могу переносить больше!.. Не могу, не могу!..

Ольга входитъ, убираетъ около своего столика.

Ирина (*громко рыдаетъ*).—Выбросьте меня, выбросьте, я больше не могу...

Ольга (*истулавшись*).—Что ты, что ты? Милая!

Ирина (*рыдая*).—Куда? Куда все ушло? Гдѣ оно? О, Боже мой, Боже мой! Я все забыла, забыла... у меня перепуталось въ головѣ... Я не помню, какъ по-итальянски окно, или вотъ потолокъ... Все забываю, каждый день забываю, а жизнь уходитъ и никогда не вернется, никогда, никогда мы не уѣдемъ въ Москву... Я вижу, что не уѣдемъ...

Ольга.—Милая, милая...

Ирина (*сдерживаясь*).—О, я несчастная... Не

могу я работать, не стану работать. Довольно, довольно! Была телеграфисткой, теперь служу въ городской управѣ и ненавижу, и презираю все, что только мнѣ даютъ дѣлать... Мнѣ уже двадцать четвертый годъ, работаю уже давно, и мозгъ высохъ, похудѣла, подурнѣла, постарѣла, и ничего, ничего, никакого удовлетворенія, а время идетъ и все кажется, что уходишь отъ настоящей прекрасной жизни, уходишь все дальше и дальше, въ какую-то пропасть. Я въ отчаяннн, и какъ я жива, какъ не убила себя до сихъ поръ, не понимаю...

Ольга.— Не плачь, моя дѣвочка, не плачь... Я страдаю.

Ирина.— Я не плачу, не плачу... Довольно... Ну, вотъ я уже не плачу. Довольно... Довольно!

Ольга.— Милая, говорю тебѣ, какъ сестра, какъ другъ, если хочешь моего совѣта, выходи за барона!

Ирина *(плачетъ)*.

Ольга *(тихо)*.— Вѣдь ты его уважаешь, высоко цѣнишь... Онъ, правда, некрасивый, но онъ такой порядочный, чистый... Вѣдь замужъ выходятъ не изъ любви, а для того, чтобы исполнить свой долгъ... Я, по крайней мѣрѣ, такъ думаю, и я бы вышла безъ любви. Кто бы ни посваталъ, все равно бы пошла, лишь

бы порядочный человекъ... Даже за старика бы пошла...

Ирина.—Я все ждала, переселимся въ Москву, тамъ мнѣ встрѣтится мой настоящій, я мечтала о немъ, любила... Но оказалось, все вздоръ, все вздоръ...

Ольга (*обнимаетъ сестру.*)—Милая моя, прекрасная сестра, я все понимаю; когда баронъ Николай Львовичъ оставилъ военную службу и пришелъ къ намъ въ пиджакъ, то показался мнѣ такимъ некрасивымъ, что я даже заплакала... Онъ спрашиваетъ: «что вы плачете?» Какъ я ему скажу! Но если бы Богъ привелъ ему жениться на тебѣ, то я была бы счастлива. Тутъ вѣдь другое, совсѣмъ другое.

Наташа со свѣчей проходитъ черезъ сцену изъ правой двери въ тѣную молча.

Маша (*садится*).—Она ходитъ такъ, какъ будто она подожгла.

Ольга.—Ты, Маша, глупая. Самая глупая въ нашей семьѣ, это ты. Извини, пожалуйста. (*пауза*).

Маша.—Мнѣ хочется каяться, милыя сестры. Томится душа моя. Покаюсь вамъ и ужъ больше никому, никогда... Скажу сію минуту. (*тихо*). Это моя тайна, но вы все должны знать... Не могу молчать... (*пауза*). Я люблю, люблю... Люблю этого человекъ... Вы его

только что видѣли... Ну, да что тамъ. Однимъ словомъ, люблю Вершинина...

Ольга (*идетъ къ себѣ за ширмы*).—Оставь это. Я все равно не слышу.

Маша.—Что же дѣлать! (*берется за юлову*). Онъ казался мнѣ сначала страннымъ, потомъ я жалѣла его... потомъ полюбила... полюбила съ его голосомъ, его словами, несчастьями, двумя дѣвочками...

Ольга (*за ширмой*).—Я не слышу все равно. Какія бы ты глупости ни говорила, я все равно не слышу.

Маша.—Э, глупая ты, Оля. Люблю—такая, значить, судьба моя. Значить, доля моя такая... И онъ меня любитъ... Это все страшно. Да? Не хорошо это? (*тянетъ Ирину за руку, привлекаетъ къ себѣ*). О моя милая... Какъ-то мы проживемъ нашу жизнь, что изъ насъ будетъ... Когда читаешь романъ какой-нибудь, то кажется, что все это старо, и все такъ понятно, а какъ сама полюбишь, то и видно тебѣ, что никто ничего не знаетъ и каждый долженъ рѣшать самъ за себя... Милая моя, сестра моя... Призналась вамъ, теперь буду молчать... Буду теперь, какъ гоголевскій сумасшедшій... молчаніе... молчаніе...

Андрей, за нимъ Ферапонтъ.

Андрей (*сердито*).—Что тебѣ нужно? Я не понимаю.

Ферапонть (*въ дверяхъ, нетерпѣливо*).—Я, Андрей Сергѣевичъ, ужъ говорилъ разъ десять.

Андрей.—Во-первыхъ, я тебѣ не Андрей Сергѣевичъ, а ваше высокоблагородіе!

Ферапонть.—Пожарные, ваше высокородіе, просятъ, позвольте на рѣку садомъ проѣхать. А то кругомъ ѣздютъ, ѣздютъ—чистое наказаніе.

Андрей.—Хорошо. Скажи, хорошо. (*Ферапонть уходитъ*) Надоѣли. Гдѣ Ольга? (*Ольга выходитъ изъ-за ширмы*). Я пришелъ къ тебѣ, дай мнѣ ключъ отъ шкапа, я затерялъ свой. У тебя есть такой маленькій ключикъ.

Ольга (*подаетъ ему молча ключъ, Ирина идетъ къ себѣ за ширму; пауза*).

Андрей.—А какой громадный пожаръ! Теперь стало утихать. Чортъ знаетъ, разозлилъ меня этотъ Ферапонть, я сказалъ ему глупость... Ваше высокоблагородіе... (*пауза*). Что же ты молчишь, Оля? (*пауза*). Пора уже оставить эти глупости и не дуться такъ, здорово-живешь... Ты, Маша, здѣсь, Ирина здѣсь, ну вотъ прекрасно—объяснимся на-чистоту, разъ навсегда. Что вы имѣете противъ меня? Что?

Ольга.—Оставь, Андрюша. Завтра объяснимся. (*волнуясь*). Какая мучительная ночь!

Андрей.—Не волнуйся. Я совершенно хладнокровно васъ спрашиваю: что вы имѣете противъ меня? Говорите прямо.

Голосъ Вершинина.—Трамъ-тамъ-тамъ!

Маша (*встаетъ громко*). Тра-та-та! (*Ольга*). Прощай, Оля, Господь съ тобой. (*идетъ за ширму, цѣлуетъ Ирину*) Спи покойно... Прощай, Андрей. Уходи, онѣ утомлены... завтра объяснишься... (*уходитъ*).

Ольга.—Въ самомъ дѣлѣ, Андрюша, отложимъ до завтра... (*идетъ къ себѣ за ширму*). Спать пора.

Андрей.—Только скажу и уйду. Сейчасъ... Во-первыхъ, вы имѣете что-то противъ Наташи, моей жены, и это я замѣчаю съ самаго дня моей свадьбы. Наташа прекрасный, честный человѣкъ, прямой и благородный—вотъ мое мнѣніе. Свою жену я люблю и уважаю, понимаете, уважаю и требую, чтобы ее уважали также другіе. Повторяю, она честный, благородный человѣкъ, а всѣ ваши неудовольствія, простите, это просто капризы, или еще лучше—капризничанье старыхъ дѣвъ. Старыя дѣвы никогда не любили и не любятъ своихъ невѣстокъ—это правило. (*пауза*). Во-вторыхъ, вы какъ будто сердитесь за то, что я не профессоръ, не занимаюсь наукой. Но я служу въ земствѣ, я членъ земской управы и это свое служеніе считаю такимъ же святымъ и высокимъ, какъ служеніе наукѣ. Я членъ земской управы и горжусь этимъ, если желаете знать... (*пауза*). Въ-третьихъ... Я еще имѣю

сказать... Я заложилъ домъ, не испросивъ у васъ позволенія... Въ этомъ я виноватъ, да, и прошу меня извинить. Меня побудили къ этому долги... тридцать пять тысячъ... Я уже не играю въ карты, давно бросилъ, но главное, что могу сказать въ свое оправданіе, это то, что вы, такъ сказать, прекраснаго пола, вы получаете пенсію, я же не имѣлъ... заработка, такъ сказать... *(пауза)*.

Кулыгинъ *(въ дверь)*. — Маши здѣсь нѣтъ? *(встревоженно)*. Гдѣ же она? Это странно... *(уходитъ)*.

Андрей. — Не слушаютъ. Наташа превосходный, честный человекъ *(ходитъ по сценѣ молча, потомъ останавливается)*. Когда я женился, я думалъ, что мы будемъ счастливы... всѣ счастливы... Но Боже мой... *(плачетъ)*. Милыя мои сестры, дорогія сестры, не вѣрьте мнѣ, не вѣрьте... *(уходитъ)*.

Кулыгинъ *(въ дверь встревоженно)*. — Гдѣ Маша? Здѣсь Маши нѣтъ? Удивительное дѣло. *(уходитъ)*.

Набатъ, сцена пуста.

Ирина *(за ширмами)*. — Оля! Кто это стучитъ въ полъ?

Ольга. — Это докторъ Иванъ Романычъ. Онъ пьянъ.

Ирина. — Какая безпокойная ночь! *(пауза)*. Оля! *(выглядываетъ изъ-за ширмы)*. Слышала?

Бригаду берутъ отъ насъ, переводятъ куда-то далеко.

Ольга.—Это слухи только.

Ирина.—Останемся мы тогда одни... Оля!

Ольга.—Ну?

Ирина.—Милая, дорогая, я уважаю, я цѣню барона, онъ прекрасный человѣкъ, я выйду за него, согласна, только поѣдемъ въ Москву! Умоляю тебя, поѣдемъ! Лучше Москвы ничего нѣтъ на свѣтѣ! Поѣдемъ, Оля! Поѣдемъ!

З а н а в ѣ с ь.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Старый садъ при домѣ Прозоровыхъ. Длинная еловая аллея, въ концѣ которой видна рѣка. На той сторонѣ рѣки—лѣсъ. Направо терраса дома; здѣсь на столѣ бутылки и стаканы, видно что только что пили шампанское. Двѣнадцать часовъ дня. Съ улицы къ рѣкѣ черезъ садъ ходятъ изрѣдка прохожіе; быстро проходятъ человѣкъ пять солдатъ.

Чебутыкинъ въ благодушиномъ настроеніи, которое не покидаетъ его въ теченіе всего акта, сидитъ въ креслѣ, въ саду, ждетъ когда его позовутъ; онъ въ фуражкѣ и съ палкой. Ирина, Кульминъ съ орденомъ на шеѣ, безъ усовъ и Тузенбахъ, стоя на террасѣ, провозжаютъ Федотика и Родэ, которые сходятъ внизъ; оба офицера въ походной формѣ.

Тузенбахъ (цѣлуетъ съ Федотикомъ).—Вы хо-

рошій, мы жили такъ дружно (*цѣлуется съ Родэ*). Еще разъ... Прощайте, дорогой мой...

Ирина.—До свиданья!

Федотикъ.—Не до свиданья, а прощайте, мы больше уже никогда не увидимся!

Кулыгинъ.—Кто знаетъ! (*вытираетъ глаза, улыбается*). Вотъ и я заплакалъ.

Ирина.—Когда-нибудь встрѣтимся.

Федотикъ.—Лѣтъ черезъ десять—пятнадцать? Но тогда мы едва узнаемъ другъ друга, холодно поздороваемся... (*снимаетъ фотографію*). Стойте... Еще въ послѣдній разъ.

Родэ (*обнимаетъ Тузенбаха*).—Не увидимся больше... (*цѣлуетъ руку Ирины*). Спасибо за все, за все!

Федотикъ (*съ досадою*).—Да постой!

Тузенбахъ.—Дастъ Богъ увидимся. Пишите же намъ. Непремѣнно пишите.

Родэ (*окидываетъ взлядомъ садъ*).—Прощайте, деревья! (*кричитъ*). Гопъ-гопъ! (*пауза*). Прощай, эхо!

Кулыгинъ.—Чего добраго женитесь тамъ, въ Польшѣ... Жена полька обниметъ и скажетъ: «кохане!» (*смѣется*).

Федотикъ (*взглянувъ на часы*).—Осталось меньше часа. Изъ нашей батареи только Соленый пойдетъ на баржѣ, мы же со строевой частью. Сегодня уйдутъ три батареи дивизионно, зав-

тра опять три—и въ городѣ наступитъ тишина и спокойствіе.

Тузенбахъ. — И скучища страшная.

Родэ. — А Марія Сергѣевна гдѣ?

Кулыгинъ. — Маша въ саду.

Федотикъ. — Съ ней проститься.

Родэ. — Прощайте, надо уходить, а то я заплачу... (*обнимаетъ быстро Тузенбаха и Кулыгина, цѣлуетъ руку Иринь*). Прекрасно мы здѣсь пожили...

Федотикъ (*Кулыгину*). — Это вамъ на память... книжка съ карандашикомъ... Мы здѣсь пойдемъ къ рѣкѣ... (*отходятъ, оба олядываются*.)

Родэ (*кричитъ*). — Гопъ-гопъ!

Кулыгинъ (*кричитъ*). — Прощайте!

Въ глубинѣ сцены Федотикъ и Родэ встрѣчаются съ Машей и прощаются съ нею; она уходитъ съ ними.

Ирина. — Ушли... (*садится на нижнюю ступень террасы*).

Чебутыкинъ. — А со мной забыли проститься.

Ирина. — Вы же чего?

Чебутыкинъ. — Да и я какъ-то забылъ. Впрочемъ, скоро увижусь съ ними, ухожу завтра. Да... Еще одинъ денекъ остался. Черезъ годъ дадутъ мнѣ отставку, опять приѣду сюда и буду доживать свой вѣкъ около васъ... Мнѣ до пенсіи только одинъ годочекъ остался... (*кладетъ въ карманъ газету, вынимаетъ другую*.)

Приѣду сюда къ вамъ и измѣню жизнь кореннымъ образомъ... Стану такимъ тихонькимъ, благо... благоугоднымъ... приличенькимъ...

Ирина. — А вамъ надо бы измѣнить жизнь, голубчикъ. Надо бы какъ-нибудь.

Чебутыкинъ. — Да. Чувствую. *(тихо напѣваетъ)* Тарара... бумбія... сижу на тумбѣ я...

Кулыгинъ. — Неисправимъ Иванъ Романычъ! Неисправимъ!

Чебутыкинъ. — Да вотъ къ вамъ бы на выучку. Тогда бы исправился.

Ирина. — Федоръ сбрилъ себѣ усы. Видѣть не могу!

Кулыгинъ. — А что?

Чебутыкинъ. — Я бы сказалъ, на что теперь похожа ваша физиономія, да не могу.

Кулыгинъ. — Что-жъ! Такъ принято, это *modus vivendi*. Директоръ у насъ съ выбритыми усами, и я тоже, какъ сталь инспекторомъ, побрился. Никому не нравится, а для меня все равно. Я доволенъ. Съ усами я, или безъ усовъ, а я одинаково доволенъ... *(садится)*.

Въ глубинѣ сцены Андрей провозитъ въ колясочкѣ спящую ребенка.

Ирина. — Иванъ Романычъ, голубчикъ, родной мой, я страшно обезпокоена. Вы вчера были на бульварѣ, скажите, что произошло тамъ?

Чебутыкинъ. — Что произошло? Ничего. Пустяки (*читаетъ газету*). Все равно!

Кулыгинъ. — Такъ рассказываютъ, будто Соленый и баронъ встрѣтились вчера на бульварѣ около театра...

Тузенбахъ. — Перестаньте! Ну, что право... (*махнетъ рукой и уходитъ въ домъ.*)

Кулыгинъ. — Около театра... Соленый сталъ придирается къ барону, а тотъ не стерпѣлъ, сказалъ что-то обидное...

Чебутыкинъ. — Не знаю. Чепуха все.

Кулыгинъ. — Въ какой-то семинаріи учитель написалъ на сочиненіи «чепуха», а ученикъ прочелъ «реникса» — думалъ что по-латыни написано... (*смѣется*) Смѣшно удивительно... Говорятъ, будто Соленый влюбленъ въ Ирину и будто возненавидѣлъ барона... Это понятно. Ирина очень хорошая дѣвушка.

Въ глубинѣ сада за сценой: «Ау! Гонъ, гонъ!»

Ирина (*вздраиваетъ*). — Меня какъ-то все пугаетъ сегодня. (*пауза*) У меня уже все готово, я послѣ обѣда отправляю свои вещи. Мы съ барономъ завтра вѣнчаемся, завтра же уѣзжаемъ на кирпичный заводъ и послѣзавтра я уже въ школъ, начинается новая жизнь. Какъ-то мнѣ поможетъ Богъ! Когда я держала экзамень на учительницу, то даже плакала отъ радости, отъ благости... (*пауза.*) Сейчас пріѣдетъ подвода за вещами...

Кулыгинъ.—Такъ-то оно такъ, только какъ-то все это не серьезно. Однѣ только идеи, а серьезнаго мало. Впрочемъ, отъ души тебѣ желаю.

Чебутыкинъ (*въ умиленіи*). — Славная моя, хорошая... Золотая моя...

Кулыгинъ. — Вотъ сегодня уйдутъ военные, и все опять пойдетъ по старому. Что бы тамъ ни говорили, Маша хорошая, честная женщина, я ее очень люблю и благодарю свою судьбу... Судьба у людей разная... Тутъ въ акцизѣ служить нѣкто Козыревъ. Онъ учился со мной, его уволили изъ пятаго класса гимназіи за то, что никакъ не могъ понять *ut consecutivum*. Теперь онъ ужасно бѣдствуетъ, боленъ и я, когда встрѣчаюсь, то говорю ему: «Здравствуй, *ut consecutivum!*». — Да, говоритъ, именно, *consecutivum*... а самъ кашляетъ... А мнѣ вотъ всю мою жизнь везетъ, я счастливъ, вотъ имѣю даже Станислава второй степени, и самъ теперь преподаю другимъ это *ut consecutivum*. Конечно, я умный человекъ, умнѣе очень многихъ, но счастье не въ этомъ... (*пауза*).

Въ домъ шраютъ на рояли «Молитву Дѣвы».

Ирина. — А завтра вечеромъ я уже не буду слышать этой «Молитвы Дѣвы», не буду встрѣчаться съ Протопоповымъ... (*пауза*) А Протопоповъ сидитъ тамъ въ гостиной; и сегодня пришелъ...

Кулыгинъ.—Начальница еще не пріѣхала?

Ирина.—Нѣтъ. За ней послали. Если бъ только знали, какъ мнѣ трудно жить здѣсь одной, безъ Оли... Она живетъ въ гимназіи; она начальница, цѣлый день занята дѣломъ, а я одна, мнѣ скучно, нечего дѣлать, и ненавистна комната, въ которой живу... Я такъ и рѣшила, если мнѣ не суждено быть въ Москвѣ, то такъ тому и быть. Значитъ, судьба. Ничего не подѣлаешь... Все въ Божьей волѣ, это правда. Николай Львовичъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе... Что-жъ? Подумала и рѣшила... Онъ хорошій человѣкъ, удивительно даже, такой хорошій... И у меня вдругъ точно крылья выросли на душѣ, я повеселѣла, стало мнѣ легко и опять захотѣлось работать, работать... Только вотъ вчера произошло что-то, какая-то тайна нависла надо мной...

Чебутыкинъ. — Реникса. Чепуха.

Наташа (*въ окно*).—Начальница!

Кулыгинъ.—Пріѣхала начальница. Пойдемъ.

(уходитъ съ Ириной въ домъ.)

Чебутыкинъ (*читаетъ газету тихо напиваетъ*)

Тара-ра... бумбія... сижку на тумбѣ я...

Маша подходитъ; въ глубинѣ Андрей провозитъ колясочку.

Маша.—Сидитъ себѣ здѣсь, посиживаетъ...

Чебутыкинъ.—А что?

Маша (*садится*). — Ничего... (*пауза*) Вы любили мою мать?

Чебутыкинъ. — Очень.

Маша.—А она васъ?

Чебутыкинъ (*послѣ паузы*). — Этого я уже не помню.

Маша.—Мой здѣсь? Такъ когда-то наша кухарка Марфа говорила про своего городского: мой здѣсь?

Чебутыкинъ.—Нѣтъ еще.

Маша. — Когда берешь счастье урывочками, по кусочкамъ, потомъ его теряешь, какъ я, то мало-по-малу грубѣешь, становишься злощій... (*указываетъ себѣ на грудь*) Вотъ тутъ у меня кипитъ... (*глядя на брата Андрея, который провозитъ колясочку*). Вотъ Андрей нашъ... Всѣ надежды пропали. Тысячи народа поднимали колоколъ, потрачено было много труда и денегъ, а онъ вдругъ упалъ и разбился. Вдругъ, ни съ того, ни съ сего. Такъ и Андрей...

Андрей.—И когда, наконецъ, въ домѣ успокоятся. Такой шумъ.

Чебутыкинъ. — Скоро (*смотритъ на часы*) У меня часы старинные, съ боемъ... (*заводитъ часы, они бьютъ*) Первая, вторая и пятая батарея уйдутъ ровно въ часъ. (*пауза*) А я завтра.

Андрей.—Навсегда?

Чебутыкинъ.—Не знаю. Можетъ, черезъ годъ вернусь. Хотя, чортъ его знаетъ... все равно...

Слышно, какъ идѣ-то далеко играютъ на арфу и скрипкѣ.

Андрей.— Опустѣетъ городъ. Точно его колпакомъ накроютъ. *(пауза)* Что-то произошло вчера около театра; всѣ говорятъ, а я не знаю.

Чебутыкинъ.— Ничего. Глупости. Соленый сталъ придираться къ барону, а тотъ вспылить и оскорбилъ его, и вышло такъ въ концѣ концовъ, что Соленый обязанъ былъ вызвать его на дуэль. *(смотритъ на часы)* Пора бы кажется ужъ... Въ половинѣ перваго, въ казенной роцѣ, вотъ въ той, что отсюда видать за рѣкой... Пифъ-пафъ. *(смѣется)* Соленый воображаетъ, что онъ Лермонтовъ, и даже стихи пишетъ. Вотъ шутки шутками, а ужъ у него третья дуэль.

Маша.— У кого?

Чебутыкинъ.— У Соленого.

Маша.— А у барона?

Чебутыкинъ.— Что у барона? *(пауза)*.

Маша.— Въ головѣ у меня перепуталось... таки, я говорю, не слѣдуетъ имъ позволять, Все онъ можетъ ранить барона или даже убитъ.

Чебутыкинъ.— Баронъ хорошій человекъ, но однимъ барономъ больше, однимъ меньше— не все ли равно? Пускай! Все равно! *(за садомъ крикъ: «Ау! Гонъ-юнг!»)* Подождешь. Это Скворцовъ кричитъ, секунданта. Въ лодкѣ сидитъ. *(пауза)*

Андрей.—По-моему, и участвовать въ дуэли, и присутствовать на ней, хотя бы въ качествѣ врача, просто безнравственно.

Чебутыкинъ.— Это только кажется... Насъ нѣтъ, ничего нѣтъ на свѣтѣ, мы не существуемъ, а только кажется, что существуемъ... Все равно!

Маша.—Такъ вотъ цѣлый день говорятъ, говорятъ... *(идетъ)* Живешь въ такомъ климатѣ, того гляди снѣгъ пойдетъ, а тутъ еще эти разговоры... *(останавливаясь)* Я не пойду въ домъ, я не могу туда ходить... Когда придетъ Вершининъ, скажете мнѣ... *(идетъ по аллеѣ.)* А ужъ летятъ перелетныя птицы... *(глядитъ вверхъ)* Лебеди, или гуси... Милые мои, счастливые мои... *(уходитъ).*

Андрей.— Опустѣетъ нашъ домъ. Уѣдутъ офицеры, уѣдете вы, сестра замужъ выйдетъ и останусь въ домѣ я одинъ.

Чебутыкинъ.—А жена?

Ферапонтъ входитъ съ бумагами.

Андрей.— Жена есть жена. Она честная, порядочная, ну, добрая, но въ ней есть при всемъ томъ нѣчто принижающее ее до мелкаго, слѣпого, этакаго шаршаваго животнаго. Во всякомъ случаѣ она не человѣкъ. Говорю вамъ, какъ другу, единственному человѣку, которому могу открыть свою душу. Я люблю Наташу, это такъ, но иногда она кажется мнѣ

удивительно пошлой и тогда я теряюсь, не понимаю, за что, отчего я такъ люблю ее, или по крайней мѣрѣ любилъ...

Чебутыкинъ (*встаетъ*).—Я, братъ, завтра уѣзжаю, можетъ, никогда не увидимся, такъ вотъ тебѣ мой совѣтъ. Знаешь, надѣнь шапку, возьми въ руки палку и уходи... уходи и иди, иди безъ оглядки. И чѣмъ дальше уйдешь, тѣмъ лучше. (*пауза*) Или впрочемъ, какъ хочешь!.. Все равно...

Соленый проходитъ въ глубинѣ сцены съ двумя офицерами; увидевъ Чебутыкина, онъ поворачиваетъ къ нему; офицеры идутъ дальше.

Соленый.—Докторъ, пора! Уже половина первого. (*здоровается съ Андреемъ*).

Чебутыкинъ.—Сейчасъ. Надоѣли вы мнѣ всѣ. (*Андрею*) Если кто спроситъ меня, Андрюша, то скажешь, что я сейчасъ... (*вздыхаетъ*) Охо-хо-хо!

Соленый.—Онъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь напалъ. (*идетъ съ нимъ*) Что вы крихтите, старикъ?

Чебутыкинъ.—Ну!

Соленый.—Какъ здоровье?

Чебутыкинъ (*сердито*).—Какъ масло коровье.

Соленый.—Старикъ волнуется напрасно. Я позволю себѣ немного, я только подстрѣлю его, какъ вальдшнепа. (*вынимаетъ духи и брызгаетъ на руки*) Вотъ вылилъ сегодня цѣлый

флаконъ, а онѣ все пахнутъ. Онѣ у меня пахнутъ трупомъ. *(пауза)* Такъ-съ... Помните стихи? А онъ, мятежный, ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой...

Чебутыкинъ.—Да. Онъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь насѣлъ. *(Уходитъ съ Соленымъ)*
Слышны крики: «Гонъ! Ау!» Андрей и Ферাপонтъ входятъ.

Ферапонтъ.— Бумаги подписать...

Андрей *(нервно.)*— Отстань отъ меня! Отстань! Умоляю! *(уходитъ съ колясочкой.)*

Ферапонтъ.— На то вѣдь и бумаги, чтобъ ихъ подписывать. *(уходитъ въ глубину сцены.)*

Входятъ Ирина и Тузенбахъ въ соломенной шляпъ, Кульшинъ проходитъ черезъ сцену, крича: «Ау, Маша, ау!»

Тузенбахъ.— Это, кажется, единственный человѣкъ въ городѣ, который радъ, что уходятъ военные.

Ирина.— Это понятно. *(пауза)* Нашъ городъ опустѣетъ теперь.

Тузенбахъ.— Милая, я сейчасъ приду.

Ирина.— Куда ты?

Тузенбахъ.— Мнѣ нужно въ городъ, затѣмъ... проводить товарищей.

Ирина.— Неправда... Николай, отчего ты такой разсѣянный сегодня? *(пауза)* Что вчера произошло около театра?

Тузенбахъ (*нетерпѣливое движеніе*). — Черезъ часъ я вернусь и опять буду съ тобой. (*цѣлуетъ ей руки*) Ненаглядная моя!.. (*всматривается ей въ лицо*) Уже пять лѣтъ прошло, какъ я люблю тебя, и все не могу привыкнуть, и ты кажешься мнѣ все прекраснѣе. Какіе прелестные, чудные волосы! Какіе глаза! Я увезу тебя завтра, мы будемъ работать, будемъ богаты, мечты мои оживутъ. Ты будешь счастлива. Только вотъ одно, только одно: ты меня не любишь!

Ирина. — Это не въ моей власти! Я буду твоей женой, и вѣрной, и покорной, но любви нѣтъ, что же дѣлать! (*плачетъ*) Я не любила ни разу въ жизни. О, я такъ мечтала о любви, мечтаю уже давно, дни и ночи, но душа моя, какъ дорогой рояль, который запертъ и ключъ потерянь. (*пауза*) У тебя безпокойный взглядъ.

Тузенбахъ. — Я не спалъ всю ночь. Въ моей жизни нѣтъ ничего такого страшнаго, что могло бы испугать меня, и только этотъ потерянный ключъ терзаетъ мою душу, не даетъ мнѣ спать... Скажи мнѣ что-нибудь... (*пауза*) Скажи мнѣ что-нибудь...

Ирина. — Что? Что сказать? Что?

Тузенбахъ. — Что-нибудь.

Ирина. — Полно! Полно! (*пауза*)

Тузенбахъ. — Какіе пустяки, какія глупыя ме-

лочи иногда приобрѣтаютъ въ жизни значеніе, вдругъ ни съ того, ни съ сего. По прежнему смѣешься надъ ними, считаешь пустяками, и все же идешь и чувствуешь, что у тебя нѣтъ силъ остановиться. О, не будемъ говорить объ этомъ! Мнѣ весело. Я точно первый разъ въ жизни вижу эти ели, клены, березы, и все смотритъ на меня съ любопытствомъ и ждетъ. Какія красивыя деревья и, въ сущности, какая должна быть около нихъ красивая жизнь! (Крикъ: «Ау! Гонъ-Гонъ!)

Надо идти, уже пора... Вотъ дерево засохло, но все же оно вмѣстѣ съ другими качается отъ вѣтра. Такъ мнѣ кажется, если я и умру, то все же буду участвовать въ жизни такъ или иначе. Прощай, моя милая... (цѣлуетъ руки) Твои бумаги, что ты мнѣ дала, лежатъ у меня на столѣ, подъ календаремъ.

Ирина.—И я съ тобой пойду.

Тузенбахъ (тревожно). Нѣтъ, нѣтъ! (быстро идетъ, на аллею останавливается) Ирина!

Ирина.—Что?

Тузенбахъ (не зная, что сказать).—Я не пилъ сегодня кофе. Скажешь, чтобы мнѣ сварили... (Быстро уходитъ)

Ирина стоитъ задумавшись, потомъ уходитъ въ глубину сцены и садится на качели. Входитъ Андрей съ колясочкой, показывается Ферапонтъ.

Ферапонтъ.—Андрей Сергѣичъ, бумаги-то

вѣдь не мои, а казенныя. Не я ихъ выдумалъ.

Андрей.—О, гдѣ оно, куда ушло мое прошлое, когда я былъ молодъ, веселъ, уменъ, когда я мечталъ и мыслилъ изящно, когда настоящее и будущее мое озарялось надеждой? Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, сѣры, неинтересны, лѣнны, равнодушны, бесполезны, несчастны... Городъ нашъ существуетъ уже двѣсти лѣтъ, въ немъ сто тысячъ жителей, и ни одного, который не былъ бы похожъ на другихъ, ни одного подвижника ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, ни одного ученаго, ни одного художника, ни мало-мальски замѣтнаго человѣка, который возбуждалъ бы зависть, или страстное желаніе подражать ему... Только ѣдятъ, пьютъ, спятъ, потомъ умираютъ... рождаются другіе и тоже ѣдятъ, пьютъ, спятъ, и, чтобы не отупѣть отъ скуки, разнообразятъ жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничествомъ, и жены обманываютъ мужей, а мужья лгутъ, дѣлаютъ видъ, что ничего не видятъ, ничего не слышатъ, и неотразимо пошлое вліяніе гнететъ дѣтей и искра Божія гаснетъ въ нихъ, и они становятся такими же жалкими, похожими другъ на друга мертвецами, какъ ихъ отцы и матери... (*Ферапонту сердито*) Что тебѣ?

Ферапонтъ.—Чего? Бумаги подписать.

Андрей.—Надоѣлъ ты мнѣ.

Ферапонть (*подавая бумаги*). — Сейчас швейцаръ изъ казенной палаты сказывалъ... Будто, говорить, зимой въ Петербургѣ морозъ былъ въ двѣсти градусовъ.

Андрей. — Настоящее противно, но зато, когда я думаю о будущемъ, то-какъ хорошо! Становится такъ легко, такъ просторно; и вдали забрезжетъ свѣтъ, я вижу свободу, я вижу, какъ я и дѣти мои становимся свободны отъ праздности, отъ квасу, отъ гуся съ капустой, отъ сна послѣ обѣда, отъ подлаго тунеядства...

Ферапонть. — Двѣ тысячи людей померзло будто. Народъ, говорить, ужасался. Не то въ Петербургѣ, не то въ Москвѣ—не упомню.

Андрей (*охваченный нѣжнымъ чувствомъ*). Милыя мои сестры, чудныя мои сестры! (*сквозь слезы*) Маша, сестра моя...

Наташа (*въ окнѣ*). Кто здѣсь разговариваетъ такъ громко? Это ты, Андрюша? Софочку разбудишь. Il ne faut pas faire du bruit, la Sophie est dormee deja. Vous êtes un ours. (*разсердившись*) Если хочешь разговаривать, то отдай колясочку съ ребенкомъ кому-нибудь другому. Ферапонть, возьми у барина колясочку!

Ферапонть. — Слушаю. (*беретъ колясочку*.)

Андрей (*сконфуженно*). — Я говорю тихо.

Наташа (*за окномъ, лаская своего мальчика*). — Бобикъ! Шалунъ Бобикъ! Дурной Бобикъ!

Андрей (*омядывая бумага*).—Ладно, пересмотрю и, что нужно, подпишу, а ты снесешь опять въ управу... (*уходитъ въ домъ, читая бумагу; Ферронтъ везетъ колясочку въ глубину сада.*)

Наташа (*за окномъ*).—Бобикъ, какъ зовутъ твою маму? Милый, милый! А это кто? Это тетя Оля. Скажи тетѣ: здравствуй Оля!

Бродячіе музыканты, мужчина и дѣвушка играютъ на скрипкѣ и арфѣ; изъ дому выходятъ Вершининъ, Ольга и Анеиса и съ минуту слушаютъ молча; подходитъ Ирина.

Ольга.—Нашъ садъ, какъ проходной дворъ, черезъ него и ходятъ, и ѣздятъ. Няня, дай этимъ музыкантамъ что-нибудь!..

Анеиса (*подаетъ музыкантамъ*).—Уходите съ Богомъ, сердечные. (*музыканты кланяются и уходятъ.*) Горькій народъ. Отъ сытости не заиграешь. (*Иринѣ*) Здравствуй, Ариша! (*цѣлуетъ ее*) И-и, дѣточка, вотъ живу! Вотъ живу! Въ гимназіи на казенной квартирѣ, вмѣстѣ съ Олюшкой — опредѣлилъ Господь на старости лѣтъ. Отродясь я, грѣшница, такъ не жила... Квартира большая, казенная, и мнѣ цѣльная комнатка и кроватка. Все казенное. Проснусь ночью и—о Господи, Матерь Божія, счастливей меня человекъ нѣту!

Вершининъ (*взянувъ на часы*).—Сейчасъ уходимъ, Ольга Сергѣевна. Мнѣ пора. (*пауза*) Я желаю вамъ всего, всего... Гдѣ Марія Сергѣевна?

Ирина. — Она гдѣ-то въ саду... Я пойду, поищу ее.

Вершининъ. — Будьте добры. Я тороплюсь.

Анеиса. — Пойду и я поищу. (*кричитъ*) Машенька, ау! (*уходитъ вмѣстѣ съ Ириной въ клубину сада*) А-у, а-у!

Вершининъ. — Все имѣетъ свой конецъ. Вотъ и мы расстаемся. (*смотритъ на часы*) Городъ давалъ намъ что-то въ родѣ завтрака, пили шампанское, городской голова говорилъ рѣчь, я ѣлъ и слушалъ, а душой былъ здѣсь, у васъ... (*оглядываетъ садъ*) Привыкъ я къ вамъ.

Ольга. — Увидимся ли мы еще когда-нибудь?

Вершининъ. — Должно быть, нѣтъ. (*пауза*) Жена моя и обѣ дѣвочки проживутъ здѣсь еще мѣсяца два; пожалуйста, если что случится, если что понадобится...

Ольга. — Да, да, конечно. Будьте покойны. (*пауза*) Въ городѣ завтра не будетъ уже ни одного военнаго, все станетъ воспоминаніемъ и, конечно, для насъ начнется новая жизнь... (*пауза*) Все дѣлается не по-нашему. Я не хотѣла быть начальницей, и все-таки сдѣлалась ею. Въ Москвѣ, значить, не быть...

Вершининъ. — Ну... Спасибо вамъ за все... Простите мнѣ, если что не такъ... Много, очень ужъ много я говорилъ—и за это простите, не поминайте лихомъ.

Ольга (*утираетъ глаза*). Что жъ это Маша не идетъ...

Вершининъ.—Что же еще вамъ сказать на прощаніе? О чемъ пофилософствовать?... (*смѣется*) Жизнь тяжела. Она представляется многимъ изъ насъ глухой и безнадежной, но все же, надо сознаться, она становится все яснѣе и легче и повидимому не далеко то время, когда она станетъ совсѣмъ свѣтлой. (*смотритъ на часы*) Пора мнѣ, пора! Прежде человѣчество было занято войнами, заполняя все свое существованіе походами, набѣгами, побѣдами, теперь же все это отжило, оставивъ послѣ себя громадное пустое мѣсто, которое пока нечѣмъ заполнить; человѣчество страстно ищетъ, и, конечно, найдетъ. Ахъ, только бы поскорѣе! (*пауза.*) Если бы, знаете, къ трудолюбію прибавить образованіе, а къ образованію трудолюбіе. (*смотритъ на часы*) Мнѣ, однако, пора..

Ольга.—Вотъ она идетъ.

Маша входитъ.

Вершининъ.—Я пришелъ проститься... (*Ольга отходитъ немного въ сторону, чтобы не помѣшать прощанію.*)

Маша (*смотря ему въ лицо*).—Прощай... (*продолжительный поцѣлуй.*)

Ольга.—Будетъ, будетъ...

Маша (*сильно рыдаетъ*).

Вершининъ.—Пиши мнѣ... Не забывай! Пусти

меня... пора... Ольга Сергѣевна, возьмите ее, мнѣ уже... пора... опоздалъ... (*растроганный цѣлуетъ руки Ольги, потомъ еще разъ обнимаетъ Машу и быстро уходитъ*).

Ольга. — Будетъ, Маша! Перестань, милая... (*входитъ Кулыгинъ*.)

Кулыгинъ (*въ смущеніи*). — Ничего, пусть поплачетъ, пусть... Хорошая моя Маша, добрая моя Маша... Ты моя жена, и я счастливъ, что бы тамъ ни было... Я не жалуясь, не дѣлаю тебѣ ни одного упрека... вотъ и Оля свидѣтельница... Начнемъ жить опять по-старому и я тебѣ ни одного слова, ни намска...

Маша (*сдерживая рыданія*).— У лукоморья дубъ зеленый, золотая цѣпь на дубѣ томъ... золотая цѣпь на дубѣ томъ... Я съ ума схожу... У лукоморья... дубъ зеленый...

Ольга.— Успокойся, Маша... Успокойся... Дай ей воды.

Маша.— Я больше не плачу...

Кулыгинъ.— Она уже не плачетъ... она добрая...

Слышенъ глухой далекій выстрѣлъ.

Маша.— У лукоморья дубъ зеленый, золотая цѣпь на дубѣ томъ... Котъ зеленый... дубъ зеленый... Я путаю... (*пьетъ воду*) Неудачная жизнь... ничего мнѣ теперь не нужно... Я сейчасъ успокоюсь... Все равно... Что значитъ у лукоморья? Почему это слово у меня въ головѣ? Путаются мысли.

Ирина входитъ.

Ольга.—Успокойся, Маша. Ну, вотъ умница...
Пойдемъ въ комнату.

Маша (*сердито*).—Не пойду я туда. Отстань!
(*рыдаетъ, но тотчасъ же останавливается.*) Я въ домъ уже не хожу, и не пойду...

Ирина.—Давайте посидимъ вмѣстѣ, хоть помолчимъ. Вѣдь завтра я уѣзжаю... (*пауза*)

Кулыгинъ.—Вчера въ третьемъ классѣ у одного мальчугана я отнялъ вотъ усы и бороду... (*надъвѣваетъ усы и бороду.*) Похожъ на учителя нѣмецкаго языка... (*смѣется*) Не правда ли? Смѣшные эти мальчишки.

Маша.—Въ самомъ дѣлѣ похожъ на вашего нѣмца.

Ольга (*смѣется*).—Да.

Маша (*плачетъ*).

Ирина.—Будетъ Маша!

Кулыгинъ.—Очень похожъ...

Входитъ Наташа.

Наташа (*горничной.*)—Что? Съ Софочкой посидитъ Протопоповъ, Михаилъ Ивановичъ, а Бобика пусть покатаетъ Андрей Сергѣичъ. Столько хлопотъ съ дѣтьми... (*Иринѣ*) Ирина, ты завтра уѣзжаешь—такая жалость. Останься еще хоть недѣлку. (*увидѣвъ Кулыгина, вскрикиваетъ; тотъ смѣется и снимаетъ усы и бороду.*) Ну васъ совсѣмъ, испугали! (*Иринѣ.*) Я къ тебѣ привыкла и разстаться съ тобой, ты думаешь, мнѣ будетъ

легко? Въ твою комнату я велю переселить Андрея съ его скрипкой—пусть тамъ пилить!— а въ его комнату мы помѣстимъ Софочку. Дивный, чудный ребенокъ! Что за дѣвчурка! Сегодня она посмотрѣла на меня такими глазками и—«мама»!

Кулыгинъ.— Прекрасный ребенокъ, это вѣрно.

Наташа.— Значитъ, завтра я уже одна тутъ. *(вздыхаетъ)* Велю прежде всего срубить эту еловую аллею, потомъ вотъ этотъ клень... По вечерамъ онъ такой некрасивый... *(Иринѣ)* Милая, совсѣмъ не къ лицу тебѣ этотъ поясъ... Это безвкусица. Надо что нибудь свѣтленькое. И тутъ вездѣ я велю понасажать цвѣточковъ, цвѣточковъ, и будетъ запахъ... *(строю.)* Зачѣмъ здѣсь на скамьѣ валяется вилка? *(проходя въ домъ, юрничной.)* Зачѣмъ здѣсь на скамьѣ валяется вилка, я спрашиваю? *(кричитъ)* Молчать!

Кулыгинъ.— Разошлась!

За сценой музыка играетъ маршъ; всѣ слушаютъ.

Ольга.— Уходятъ.

Входитъ Чебутыкинъ.

Маша.— Уходятъ наши. Ну, что жъ... Счастливый имъ путь! *(Мужу)* Надо домой... Гдѣ моя шляпа и тальма...

Кулыгинъ.— Я въ домъ отнесъ... Принесу сейчасъ...

Ольга.— Да, теперь можно по домамъ. Пора.

Чебутыкинъ.— Ольга Сергѣевна!

Ольга.—Что? *(пауза)* Что?

Чебутыкинъ.—Ничего... Не знаю какъ сказать вамъ... *(шепчетъ ей на ухо)*

Ольга *(въ испугъ)*.—Не можетъ быть!

Чебутыкинъ.—Да... такая исторія... Утомился я, замучился, больше не хочу говорить...*(съ досадой)* Впрочемъ все равно!

Маша.—Что случилось?

Ольга *(обнимаетъ Ирину)*.—Ужасный сегодня день... Я не знаю, какъ тебѣ сказать, моя дорогая...

Ирина.—Что? Говорите скорѣй: что? Бога ради! *(плачетъ)*.

Чебутыкинъ.—Сейчасъ на дуэли убитъ баронъ.

Ирина *(тихо плачетъ)*.—Я знала, я знала...

Чебутыкинъ *(въ глубинѣ сцены садится на скамью)*. Утомился... *(вынимаетъ изъ кармана газету)*. Пусть плачутъ... *(тихо напѣваетъ)*. Тара-ра бумбѣя... сижу на тумбѣ я... Все равно! Три сестры стоятъ, прижавшись другъ къ другу.

Маша.—О, какъ играетъ музыка! Они уходятъ отъ насъ, одинъ ушелъ совсѣмъ, совсѣмъ навсегда, мы останемся однѣ, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить... Надо жить...

Ирина *(кладетъ голову на грудь Ольги)*. Придетъ время, всѣ узнаютъ, зачѣмъ все это, для чего эти страданія, никакихъ не будетъ тайнъ, а пока надо жить... надо работать, только рабо-

тать! Завтра я поѣду одна, буду учить въ школѣ и всю свою жизнь отдамъ тѣмъ, кому она, быть можетъ, нужна. Теперь осень, скоро придетъ зима, засыплетъ снѣгомъ, а я буду работать, буду работать...

Ольга (*обнимаетъ обѣихъ сестеръ*).—Музыка играетъ такъ весело, бодро, и хочется жить! О, Боже мой! Пройдетъ время, и мы уйдемъ навѣки, насъ забудутъ, забудутъ наши лица, голоса и сколько насъ было, но страданія наши перейдутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, счастье и миръ настанутъ на землѣ, и помянутъ добрымъ словомъ и благословятъ тѣхъ, кто живетъ теперь. О, милыя сестры, жизнь наша еще не кончена. Будемъ жить! Музыка играетъ такъ весело, такъ радостно и, кажется, еще немного, и мы узнаемъ, зачѣмъ мы живемъ, зачѣмъ страдаемъ... Если бы знать, если бы знать!

Музыка играетъ все тише и тише; Кульминъ веселый, улыбающійся, несетъ шляпу и тальму, Андрей везетъ колясочку, въ которой сидитъ Бобикъ.

Чебутыкинъ (*тихо напѣваетъ*). — Тара... ра... бумбѣя... сижу на тумбѣ я... (*читаетъ газету*).
Все равно! Все равно!

Ольга.—Если бы знать, если бы знать!

Занавѣсъ.

2-218.641

EESTI RAHVUSRAAMATUKOGU

1 0100 00420876 1